Часть 2. Первые испытания

Глава I

Первые месяцы после болезни Свидамиль Шорпитук и Тормидаль, помня наставление Птирбана, посматривали за поведением дочери. Заболевание не возвращалось, но после кончины старца у Свидамиль начались резкие перепады настроения, сопровождающиеся бурной радостью, быстро переходящей в депрессию, и наоборот. Знахари выслушали жалобы Шорпитука, осмотрели девочку, отнесли перепады к несущественным эмоциональным проявлениям и посоветовали не обращать на них внимание. «Чем меньше будете на них засматриваться, тем меньше они будут появляться, а обнаружат, что никто ими не интересуется, и вовсе исчезнут – тихо, незаметно, как высыхающая в луже вода», – сказали они. В остальном девочка росла здоровой, развиваясь не хуже, а в чём-то и лучше сверстников. Спустя полгода об указаниях Птирбана почти не вспоминали, а ещё через несколько месяцев в семье появился сын, и всё внимание родителей переключилось на карапуза.

С внезапными перепадами настроения Свидамиль худо-бедно справлялась, несравнимо больше неприятностей ей приносили сновидения, кишащие сонмами ужасных противных тварей, каждая из которых норовила чем-то досадить. Вероятно, призрачный мир им наскучил, а может, стал слишком тесен, потому, что твари активно прорывались в сознательную жизнь и хозяйничали в ней, подменяя действительность неожиданно и некстати возникающими эфемерными отголосками неосознанных страхов. Неизвестно откуда берущиеся чудища, оставаясь невидимыми для остальных, являлись ей в виде вставших во весь рост свирепых теней, всегда заставали врасплох, хватали за руки и норовили утащить в произвольно выбранное место. Появление незваных гостей вызывало у Свидамиль чувство ужаса, сопровождаемое кратковременным оцепенением, за это время в ней что-то происходило и она становилась сама не своя – отвечала невпопад, говорила всякий вздор, запиналась, терялась в настоящем, роняла и опрокидывала предметы, иногда доходило до смешного – она не попадала в дверной проем родного дома, натыкалась на косяки, разбивала нос, набивала на лбу

шишки и синяки. Изредка случались вещи и похуже – преодолев барьер сновидений, за ней по пятам шло мерзкое склизкое грязное – даже не существо – нечто среднее между жабой и растением, только большое и отвратительно пахнущее, она убегала от него, дрожа от брезгливости и страха, но оно прыгало за ней, как привязанное. Неуклюже переваливаясь со стороны в сторону, временами пытаясь перегнать и преградить путь, жаборастение гнусавым голосом назойливо требовало совершить зловредный поступок. Свидамиль забегала в укромное местечко, падала на землю, стискивала зубы и крепилась, дожидаясь, когда мерзость уйдёт, но силы были неравные, схватки заканчивались одинаково – она уставала и уступала, а наглец торжествовал, совершая её руками многие пакости. И чудовищные твари, и жаборастения появлялись не часто, но всегда добивались своего. Постоянное чувство опасности, бесконечная борьба с собой, присутствие контролирующих её поступки призрачных недружелюбно настроенных существ, требовали непрерывного напряжения, угнетали, изматывали, доводили до изнеможения. Это не прошло бесследно, её живой характер изменился, длящиеся годами тревога и неопределённость привели к подозрительности и боязливости. Минул не один год прежде, чем она, набравшись опыта, научилась распознавать предвестников нападения и придумала, как с ними бороться – почувствовав неприязнь или необоснованную злобу ко всему живому, убегала далеко в поле, где её никто не видел, и каталась в траве до тех пор, пока твари, обозлённые упрямой неуступчивостью, не уходили.

А мдарахарская жизнь текла своим чередом. Её естественное течение ежегодно приносило из далёких краёв не один десяток маленьких науршей, прибавляя населения и увеличивая размеры деревни. Дети, родившиеся после смерти Птирбана, заметно отличались от предыдущих поколений и характером, и поведением. С годами эта разница становилась всё заметней, они всё чаще вытворяли невиданное и неслыханное – не слушались родителей. Пятилетняя шпана не подчинялась матери, реже – отцу, иногда даже вызывающе говорила: «туда – не пойду, это – не хочу; то – не буду.» В первые годы после Птирбана открытое непослушание было редким, из ряда вон выходящим случаем. Родители конфузились, матери хватались руками за голову, брали ребёнка за руку и бежали к Нистаруну, умоляя заставить чадо слушаться старших, а их научить, что с ним делать.

Выслушав мать, Нистарун садился на скамью у дуба, подзывал к себе малыша и спрашивал:

– Повтори! Что ты говорил маме?

Тот молча смотрел вниз, усердно ковыряя землю пальцами ног.

– Не скажешь ты, скажет мама. Что говорил твой сын? – не дождавшись ответа, обращался Нистарун к родительнице.

– Говорил: «Мне этого не нужно», – вздыхая, отвечала мать.

– А что нужно тебе? – продолжал он допытывать непослушного ребёнка.

Тот по-прежнему защищался молчанием. Нистарун рассказывал ему какой-нибудь поучительный случай из жизни предков и строго выговаривал:

– У нас нет ни «тебе», ни «мне», нет ни «твоего», ни «моего». Спроси папу и маму, нужно ли им тебя кормить? Они исполняют свой долг – дают, что нужно тебе, и ты отдавай, что нужно семье. Наурши так живут испокон веков. Родителям отдают послушание! Тебе понятно?

– Понятно, – неохотно выдавливал из себя тот.

Добившись согласия, Нистарун хвалил ребёнка за понимание и объяснял матери, как в таких случаях нужно себя вести.

Характер детей портился как-то подозрительно ровно и ко времени – до пяти лет они были дети как дети, а после пяти становились непослушными, находя удовольствие в совершении пакостей, иногда даже вредительстве. Родители боролись с шалостями, как могли: взывали к детскому благоразумию, применяли средства морального внушения, давали поступкам надлежащую оценку, а когда перечисленные средства желаемого воздействия не оказывали, прибегали к физическим методикам убеждения. Старики покачивали головами и сетовали на судьбу, заставившую их увидеть величайшее безобразие времени – непокорность и неблагодарность потомков. Загрустили не только старики, казалось, призадумался сам древний Мдарахар, печально смотрящий на подрастающее поколение и вспоминающий прежних детей – простых, любознательных, наивных – чистых, как утренняя роса.

* * *

Шли годы, их было не так много, чтобы могли свершиться существенные перемены, но и не так мало, чтобы полноправно ссылаться на незначительность представленных ими событий.

Свидамиль повзрослела, избавилась от детских страхов, окрепла физически и душевно, чему способствовали частично отступившие

кошмары и разросшаяся семья. В дневную жизнь призраки уже не вторгались, страшные сны снились гораздо реже, но всё же, в них иногда появлялись рыскающие в поисках добычи голодные чудовища. Такие сны были похожи, как близнецы: невесть откуда взявшаяся сила забрасывала её в незнакомый лес, где она сначала бродила словно помрачённая, затем обнаруживала себя в тёмной трущобе, чувствовала исходящую от неё угрозу, убегала в наугад выбранном направлении, случайно натыкалась на звериное логово, полное праздных тварей, и удирала от них с удвоенной скоростью. Занятые собой косматые чудовища замечали пытающуюся улизнуть поживу, вскакивали, взвизгивали от радости и мчались вслед, шумно сопя и брызжа слюной. Она бежала, не разбирая пути, перепрыгивая через огромные стволы валежника, продираясь сквозь густые кустарники, отбиваясь от хлещущих по лицу и хватающих за руки веток, оказывалась на знакомой опушке, как птица, с разбега перелетала поле, проскакивала безлюдную деревню, родной двор, вбегала в свой дом и запиралась изнутри, но хищники были тут как тут, сквозь щели видели её в дальнем углу дома, с бешенством вгрызались в дерево, крошили и разбивали двери, рвались внутрь, но не могли войти – им препятствовала могущественная непроявленная сила. Неистовствующие от злости звери бросались на зияющую дыру разбитого дверного проёма, с глухим стуком отлетали назад, падали, вскакивали, непонимающе таращились на неприступное отверстие, опять разгонялись, отлетали, падали и сконфужено вскакивали. Повторив атаку не один десяток раз, они убеждались в прочности преграды, дико взвывали и начинали кружить вокруг дома, принюхиваясь к стенам, чтобы найти слабое место, продрать щель или прорыть подкоп, но их старания оказывались напрасными – заслоны стояли нерушимо. Хищники разочаровывались, подгибали хвосты, понуривали головы и плелись к родному логову. Вероятно, при виде добычи у них с голоду отнималась память, и они забывали что с недавних пор сообщение между мирами закрыли, а им запретили пересекать разделительную полосу без приглашения той стороны, оставив единственную отраду – право отражаться в зеркале воспоминаний блеклыми отблесками сновидческих происшествий. Позабывшие обо всём на свете преследователи наталкивались на барьер осознанной действительности и отбрасывались в родственный им мир призраков, а Свидамиль выходила из него целая и невредимая, просыпаясь и с огромным облегчением обнаруживая себя в постели.

Детство и юность ушли в прошлое. Наступила зрелость. В деревне расстояния маленькие, на виду каждый двор, каждый человек. Во время совместных игр дети и подростки узнают друг друга, а когда вырастают, подбирают пару либо исполняют волю родителей. Настал черед определяться и Свидамиль, а поскольку она относилась к этому без энтузиазма, Шорпитук сам присмотрел ей высокого юношу из пастухов, Арминдуга, поговорил с дочкой, женой, сходил к его родителям, получил от них согласие и начал готовиться к свадьбе. В конце лета они договорились, а в середине осени Свидамиль пришла в дом мужа.

Простота устройства древней общины обуславливалась тем, что она представляла собой объединение родственников, совокупность семей родственников, ведущих совместное хозяйство. В общине отсутствовали чужие и пришлые – крайне редкое явление для тех времён, – она состояла из близких и дальних родственников, связанных между собой теснейшими узами совместной жизни. По своей сути, община была семьёй семей, роли отца и матери в ней выполняли старейшины и жрецы.

Община Мдарахара ничем не отличалась от других общин своего времени. Старейшины традиционно следили за благоустройством односельчан, что же касается молодых семей, то их опекали с такой тщательностью, с какой не всякая заботливая родительница оберегает новорождённое дитя, помогая во всём, что нужно для налаживания быта, в том числе, и в строительстве дома. Зная об этом, Арминдуг после свадьбы подошёл к Заривалю и попросил место для семейного очага.

И праздник объединения, как тогда называли день создания семьи, и распределение новых участков, с последующим строительством домов, по дедовским, устоявшимся обычаям, в Мдарахаре совершали осенью. Просьба Арминдуга была законной. Ему выделили участок и поставили в очередь на строительство.

В повседневной жизни старейшины всегда исходили из наставлений учителей, подкреплённых личным опытом. Приступая к возведению домов, сначала рассчитывали необходимое количество материала, распределяли на работы людей, затем заготавливали лес, собирали камни, а в это время несколько наиболее опытных мдарахарцев размечали место для дома, разравнивали почву, после чего строили стены и настилали кровлю. Черед месяц в деревне появились три новых дома, полностью готовых к приёму хозяев. Один из них достался Арминдугу и Свидамиль.

Удивительно, как иногда быстро летят годы – кажется, недавно Арминдуг и Свидамиль радовались новоселью, а сейчас в их дворе с утра и до вечера резвятся два крепко сбитых мальчугана пяти и трёх лет от роду. Цветущий вид присматривающей за ними матери говорит о семейном благополучии. С замужеством страшные сновидения пропали, будто их не бывало. Теперь она тратит свои силы на малышей и мужа, а когда выпадает свободное время, они идут к бабушкам и дедушкам, радуют их и радуются сами.

Шорпитук погрузнел, Тормидаль в меру раздобрела, их прежняя сноровистость пропала, поступь и речь стали размеренней, движения уверенней. Тормидаль подарила мужу две замечательных дочки и три сына, сильных, рослых, как Шорпитук. Все они, кроме Свидамиль, живут с родителями. Младшей дочери всего восемь лет, братья и родители её оберегают и балуют. Свидамиль за это их журит: «Вырастите разбалованную девчонку, не справитесь с возросшими прихотями – что делать будете?» Они понимающе кивают, поддакивают, обещают исправиться, но проходит несколько дней, и жизнь возвращается на круги своя…

* * *

В Мдарахаре продолжали рождаться и вырастать дети, такие разные, такие одинаковые, и это естественно, ведь у маленьких мдарахарцев было много общего. Больше всего их сближал необычайно капризный характер, подкреплённый прирождённым недовольством – почти ко всему, с чем им приходилось соприкасаться, у них имелись претензии и требования: в игрушках не нравилась простота – они хотели разнообразия, в одежде удручала грубая выделка и незамысловатый фасон – они желали мягкости и красоты, в родителях не устраивала строгость – они ожидали послаблений, в жизни не по душе был порядок – они жаждали свободы. Шалости и капризы перестали быть редкими, эпизодическими случаями, выросли до характерной черты, присущей новому поколению, а родителям не оставалось ничего иного, как искать и находить их причины, объединять общее и разделять частное, руководствуясь правилом: если лихо не победить, его нужно изучить и приспособиться к нему, как приспосабливаются к неотвратимым явлениям природы.

По прошествии почти двух десятков лет, с момента проявления первых вестников перемен, атланты научились относиться к детским проказам, как к временной неприятности – выявилось, что свою вредность дети, в большинстве случаев, перерастают в юношеском возрасте, после двенадцати лет она постепенно начинает убывать, к пятнадцати годам становится едва заметной, а ближе к двадцати от неё не остаётся и следа.

С тех пор, как Птирбан созвал первое Общее собрание, успело вырасти, возмужать, создать семьи и произвести потомство целое поколение атлантов. Их быт, нравы и уклад жизни остались прежними, облик Мдарахара также почти не изменился – до конца заселился третий круг и четверть четвёртого. Заметней всех преобразился холм Общих собраний. Стояние под открытым небом уже не отвечало ни требованиям времени, ни сложившимся обстоятельствам, если раньше наурши собирались не чаще одного раза в сезон, то сейчас – почитай, каждую седмицу. Когда собрания приобрели постоянный характер, стали необходимостью, Нистарун озаботился устройством крыши. В первый год срыли холм со стороны реки и засыпали ложбину между возвышенностями, во второй замостили её доставленным из-за ближнего леса камнем, а на третий соорудили массивные каменные столбы, установили на них деревянные балки с изображениями символов Бога, сверху положили ряд жердей и накрыли соломой. В течение нескольких последующих лет пространство между столбами заложили каменной кладкой, предусмотрительно оставив вверху стен узкие продолговатые отверстия для доступа света, и в Мдарахаре появился первый в истории атлантов Дом собраний общины.

Проникающие в деревню перемены осваивались науршами незаметно, им казалось, что их быт и нравы оставались такими же, как во времена отцов и дедов, и сами они считали себя такими же, как их отцы и деды, однако, происходившие в них изменения в действительности были значительно существеннее внешних. Они проистекали с двух сторон. Одной стороной были жрецы, на общих собраниях объясняющие народу Божий промысел и обязанности человека, а вторую представляли чуждые ему силы, со своими целями и задачами, из них основное внимание уделялось вопросу выработки специальной технологии внедрения этих целей и задач в обычный ход человеческих мыслей,

с дальнейшим руководством последними по своему усмотрению, без привлечения внимания душевносмыслящих.

Жрецы и простые наурши вырастали в одной деревне, однако, на мир смотрели по-разному. Знания жрецов позволяли им проникать в основы движущих сил вселенной, видеть заложенные в них правила, даже прозревать вероятность наступления в будущем тех или иных событий, в то время, как простые мдарахарцы сохраняли лишь едва заметные остатки давно утерянной чувствительности к земным излучениям. Передавая народу доселе закрытые знания, жрецы пользовались языком символов, но непривыкшие к знакам люди не справлялись со сложностью построения линий, уставали от ничего не значащих обозначений, и непонятные бездушные чёрточки заменяли понятными живыми существами – летающими в небе, бегающими по полям и лесам, ползающими по земле, плавающими в реках, с привычными им повадками и характерами. Наслышавшись страшных историй о летящих к ним ужасающего вида гигантских чудовищах, грозящих пожрать всех, кто скверно поступает, но оставить добродетельных, они пришли к неутешительному для себя выводу: «Вся земля застыла в ожидании навалы злобных зверей, но их главная цель – мы, люди», – и стали выслеживать губителей. Проснувшись утром, первым делом выходили во двор и смотрели на небо, не летят ли ведомые крылатой змеёй ящероподобные драконы, затем оглядывались по сторонам – не бегут ли с лесов и полей неизменные спутники чудищ, многочисленные стаи кровожадных волков и гиен, никого не обнаруживали, перекрикивались с соседями, выясняя, что видели они, слышали отрицательный ответ, с облегчением вздыхали и принимались за ежедневные дела.

Нистаруна обнаружил ещё одну новоявленную странность сородичей. Наиболее боязливые мдарахарцы стали после общих собраний приходить к нему в дом и задавать массу уточняющих вопросов: когда прилетят непрошенные гости; как они выглядят; по каким признакам будут отбирать свои жертвы; можно ли от них убежать или спрятаться; не пора ли озаботиться строительством убежищ? Напрасно хранитель объяснял, в чём заключается опасность – что он им ни говорил, на каких примерах ни показывал, в какие сравнения ни пускался, сородичи его не понимали. Уважая многовековые знания, они почтительно выслушивали разъяснения, поражались всеобъемлющей мудрости древних, понимающе кивали головами, а уходили от него, охваченные

усилившимся ощущением таинственной неизвестности. Неразрешённые вопросы заставляли их собираться в кучки, высказывать догадки, предположения, спорить, приводить доводы, опровержения, однако, групповые обсуждения ничего не проясняли. В конце концов, после длительных мучений, мдарахарцы пришли к светлому выводу – смысл толкований им непонятен потому, что Всевышний запретил извещать великую тайну всенародно: «Негоже высокие божественные замыслы облекать в простые выражения человеческого языка! Ведь не зря и не по собственной прихоти жрецы рисуют на стенах загадочные чёрточки и закорючки. В их чреве покоятся знания, доступные тем, кто способен увидеть. Страшные сведения дозволено донести иносказательно, неясно – чтобы не выдавать сокровенное кому попало, не сеять панику и не пугать народ предначертанным.» Проникшись жутким открытием, мдарахарцы ужаснулись предстоящим бедам и зачастили в святилище, где подолгу простаивали у изображения славного патриарха Науршуна, пристально вглядываясь в символический облик своего родоначальника и ожидая от него ответа, либо толпились у жертвенника, воскуряя травы и слёзно умоляя Всевышнего отвратить нависшую над деревней опасность. Увидев отчаянные попытки защититься от неведомого, Нистарун принялся было вразумлять народ, но обнаружил его упрямое нежелание углубляться в дополнительные детали и оставил в покое, рассудив, что бессмысленно добиваться одного добра, отговаривая от другого – вне всякого сомнения, участившиеся посещения Божьего дома принесут взывающим только пользу.

Что до устрашённых недобрыми вестями мдарахарцев, то они не по требованиям жрецов шли в святилище, не ради доброго мнения соседа стояли у алтаря, не из праздного любопытства вглядывались в изображение легендарного Науршуна – они приходили в храм по зову души, чтобы объединиться со скрытой силой патриарха и получить от него недостающие знания или – по меньшей мере, дополнительные наставления. К их огромному огорчению, Науршун не отвечал – он и не мог ответить – по причине созданного в них препятствия, из-за ухудшения их слуха. Незадолго до этого в существе человека появилась и активно заработала предприимчивая посторонняя сила. Оставшиеся без присмотра мосты между берегами миров приходили в упадок и разрушались. Наурши не знали, что создающая двустороннюю связь чудодейственная древняя энергия, многие века питавшая, проникавшая

их предков, воздействовавшая ещё при жизни Птирбана, начала тихо угасать с передачей поста хранителя преданий Нистаруну. Дело было не в нём, жрецы пользовались ею, как и прежде – в их душах возникали красочные, полные ощущений, образы, вовлекающие созерцающего в гущу событий прошлого, но сородичи жаловались, что сообщения между изображениями на стенах святилища и сердцами взывающих потускнели. Связь могла разорваться на любом этапе: в начале, середине либо конце действий. Если старики возраста Нистаруна, не без труда, но добивались желаемой встречи, то ровесники Свидамиль наблюдали лишь слабые отпечатки бледных теней с едва угадываемыми прозрачными очертаниями, бессмысленно и хаотично движущимися, внезапно возникающими и исчезающими.

Причину утраченной связи жрецы видели в затмении сердечной чистоты. Душа исторгалась из мира познания на их глазах. Исходящая от Всевышнего положительная энергия приходила к человеку, как и прежде, но сейчас она отражалась от выработанной чужаками отрицательной, загрязнялась её сигналами, меняла силу, частоту, амплитуду, состав, воздействие, и проникала его помрачённой. Несмотря ни на что, она продолжала совершать свою работу, но им уже не ощущалась и не распознавалась. Внедрение агрессивно действующей третьей стороны разорвало прямое сообщение между создателем и созданием, что привело к завершению длительной эпохи физического становления и стало началом следующей эпохи умственного роста. Маленькая слабая частичка отделилась от большого могущественного целого и поплыла в далёкое путешествие, даже не представляя себе, куда она направляется, как долго придётся ей плыть, что её там ожидает. С тех пор человек осиротел – он утратил советника и подсказчика в ежедневных делах, с тех пор ему не на кого положиться, некому доверить трудности выбора и принятия решений, и всё же, лишившись прочной божественной поддержки, он кое-что приобрёл – ему полностью открылся восхитительно сверкающий мир и во всю ширь распахнулась подкреплённая правом искреннего заблуждения свобода собственных суждений. Гуляй, танцуй, веселись, душа – ты стала на путь самостоятельности!

Нистарун болезненно переживал потерю сообщения с предками и увядание силы, питающей соплеменников. Он не мог себе представить жизни без Божьих наставлений и тесного общения с пращурами, без них будущее народа казалось ему блужданием в тёмной безгласной чаще.

Поиски выхода из сложившейся ситуации ни к чему не приводили, но однажды к нему пришло посланное Богом провидение, явился одетый в белоснежные одежды старец, лицом и голосом похожий на Птирбана. Он взял его за руку, привёл к высоченной горе, показал вьющуюся по крутым склонам длинную узенькую тропинку, ведущую к стремительно вознёсшейся вершине, острие которой терялось в туманной мгле, и пояснил, что каждый, вошедший в земное тело и назвавшийся человеком, должен пройти обозреваемый им путь, взобраться на высоту, недоступную нынешнему взору и занять своё место в сени чистых лучей вечной благодати. «Там ваш дом и ваше будущее. Там Всевышний возвёл храм добродетелей человека. Сегодня люди только подошли к подножью этой горы, только приготовились к восхождению. Если им показать даже маленькую толику трудностей, ожидающих идущих, смятение может погубить их, поэтому завтрашний день всегда будет сокрыт от взора помрачённой души, но откроется душе очистившейся», – добавил старец.

Мысли Нистаруна прояснились. К нему пришло примиряющее, смягчающее, заглаживающее боль, понимание. На прощание посланник сказал:

«Сын мой! Не огорчайся неотвратимым грядущим, не печалься должным обременением, но живи тем, что обязан совершить. Чтобы смотреть сквозь время, нужно иметь кристальное сердце – не искажающее ни настоящее, ни прошлое, не вносящее в них свои культурные, логические, практические, теоретические, рассудочные, злободневные помехи, не исходящее из домысла, не излагающее ошибочные суждения, не доказывающее свою, предположительную точку зрения, но лишь внимающее и воспринимающее. Когда человек освободит собственное видение исторических событий от обманчивых наслоений, восстанут силы, идущие сквозь пространство и время, и восхитительная панорама былого раскроется желающим его прочесть и услышать. Пращуры выйдут на зов потомков и расскажут, как они жили, о чём думали, на кого надеялись, во что верили, к чему стремились, чего избегали. Нарушенная связь обязательно восстановится, очистившиеся сердца увидят мир без изменяющих действительность ядовитых примесей и возликуют – не панорамой прошлого, но перспективами будущего. Короткая жизнь не даёт человеку возможности заглянуть в грядущее, но – будь уверен, наступит день, и узришь истинное сияние солнца.»

Попрощавшись с вестником, Нистарун поблагодарив Бога за поддержку и приободрился – негоже унывать, если с тобой говорит Всевышний. Теперь он точно знает, что источник душевных перемен проистекает из незаметной, ни на миг не прекращающейся работы третьей стороны, подминающей под себя сокровеннейшие основы человеческой души, накатывающей на дорогие сердцу образы, в результате чего они тускнеют и отступают, а на их место в сознание активно внедряются чуждые человеку понятия, создающие благоприятную для этих деятелей атмосферу расплывчатых истин. Деятелям нельзя отказать ни в прозорливости, ни в расчётливости – в самом начале, ещё до того, как приступить к исполнению намеченного, они предусмотрительно набросили на людей покров бесчувственности, который в будущем позволит им действовать в полую мощь, совершать отвратительнейшие дела, оставаясь незамеченными.

Глава II

Старшего сына Арминдуг и Свидамиль нарекли Мгурталом, младшего Шиданаром. Они оба росли крепкими атлантами, одинаково выделяясь среди сверстников ростом, сноровкой и физической силой, но отличаясь характерами – если Шиданар с детства был послушным, спокойным ребёнком, то Мгуртал доставлял хлопоты за себя и за брата. Всё, к чему прикасались его руки или очень теряло в ценности, или пропадало – сгорало, ломалось, крошилось, разрывалось, разбивалось, и нельзя сказать, что он нарочно портил необходимые в хозяйстве предметы – совсем нет, просто Мгурталу очень нравился сам процесс, а так, как уничтожение всегда совершается гораздо быстрее созидания – к тому же, ему не нужно учиться, он делал то, что получалось лучше всего и приносило удовольствие. Родители ничего не могли с ним поделать и относились к нему, как к стихийному бедствию. С горем пополам они дотерпели до семи лет и порешили направить юную активность в надлежащее русло – Арминдуг стал обучать сына уходу за козами. Мгуртал помогал отцу с удовольствием, утром выгонял коз из загона, днём бегал за отбившимися от стада, учился направлять их куда требуется, понимать козий язык, чинить ограду, мастерить снаряжение. А Шиданар до десяти лет сидел возле матери – ходил с ней на работы, обрабатывал

домашние грядки, ухаживал за садовыми деревьями, приносил, уносил, чистил, убирал всё, что она ему велела.

Несмотря на несхожесть характеров, у братьев было одно общее увлечение – и активному Мгурталу, и спокойному Шиданару, очень нравились игры, особенно догонялки и ловилки. Выпросив у матери разрешение, братья убегали на луг, где, как правило, собиралась деревенская ребятня, и носились там до вечера. До семи лет Мгуртал выделялся лишь ростом и силой, в остальном оставаясь таким же, как все, однако, перешагнув семилетний возраст, он стал пытаться доминировать – хотел водить, руководить, управлять всей игрой, решать, кто нарушил правила, а кто нет, и любой, посмевший с ним не согласиться, оказывался объектом едких насмешек, а порой и получал пригоршню увесистых тумаков. Поначалу дети уступали самоуверенному крепышу, но это им быстро надоело, и они, не желая подчиняться равному себе, просто убегали от него и играли отдельно, а если он пытался к ним присоединиться, расходились по домам. Упорное сопротивление сверстников задевало Мгуртала за живое, не раз он смотрел им вслед и, едва сдерживая поднимающееся в груди негодование, говорил себе: «Брось, Мгуртал. Не переживай. Чуток потерпи, они ещё пожалеют о своём поведении, посмотришь, как они будут набиваться к тебе в друзья, вот тогда Мгуртал им напомнит сегодняшний день и укажет, кому следует водить, а кому – быть ведомым.» В наихудшем положении оказался Шиданар. Дома ему приходилось терпеть выходки старшего брата, в деревне – отчуждение друзей, видевших в нём второго Мгуртала.

У Нистаруна был внук от среднего сына, Амдилаз, одногодка Мгуртала, нравом очень похожий на Шиданара, тихий и спокойный сторонник уединения. За мягкий характер, отзывчивость, кротость и сметливость хранитель называл его светлолицым дитём. Дружбы с ним искали как ровесники, так и ребята постарше. История не сохранила тайны притягательной силы Амдилаза, оставив лишь краткий перечень общих характеристик – известно, что он был невысокого роста, щуплого телосложения, привлекательной внешности и спокойного поведения. Внук тянулся к деду и часто у него бывал, ему нравилось прийти в дом у храмовой рощи, примоститься в уголке и прислушиваться к серьёзным неторопливым беседам взрослых. Дед также питал нежную привязанность к внуку и по вечерам частенько рассказывал ему о свойствах трав и деревьев, о видах, нравах и способностях животных, об истории

науршей – одного из атлантических народов, живущих в замечательной деревушке по имени Мдарахар. Амдилаз слушал деда во все уши, а тот надеялся, что пытливый внук пойдёт по его стопам, станет жрецом.

Тихоня Амдилаз Мгуртала не интересовал. Само упоминание имени Амдилаза доводило его до зевоты. В деревне было немало сильных, храбрых, сноровистых ребят, с которыми Мгуртал с радостью бы подружился – он был готов дружить с кем угодно, только не с этим эталоном скуки и добродетели. Так думал Мгуртал, но судьба распорядилась иначе – однажды, когда они были чуть старше пятнадцати лет, она свела их вместе. Арминдуг взял Мгуртала помочь ему перегнать большегрудых коз на новое поле, расположенное рядом с нивой, куда Зариваль послал Амдилаза нарубить молодых деревьев и подготовить колья. Оставив стадо недалеко от места, где у кучи свежесрубленного дерева отдыхал Амдилаз, Арминдуг наказал сыну присматривать за животными и пошёл на хоздвор. Сбившиеся в кучу козы активно щипали сочную травку и не собирались разбегаться. Вокруг, кроме него и сидящего поодаль Амдилаза, не было ни души. Мгуртал заскучал. Чтобы как-то скоротать время, он замахал руками и закричал:

– Амдилаз! Подойди поближе, поговорим.

Тот неторопливо встал, отряхнулся и подошёл к здоровенному пастуху.

– Зачем тебе такая куча дерева? – поинтересовался Мгуртал.

– Нужно заточить колья и вбить с этой, – Амдилаз кивнул головой, – стороны поля. Будем сплетать ограду, а то козы вытопчут ниву.

– Они это могут, – согласился Мгуртал. – Почему не приходишь к ребятам на лужайку?

– Когда нет работы, Амдилаз идёт к деду Нистаруну слушать беседы стариков.

– Что может быть интересного в разговорах стариков? – искренне удивился Мгуртал.

Амдилаз сдержанно усмехнулся – вопрос не нуждался в ответе.

Через пять дней они опять встретились, уже на другом поле, разговорились и обнаружили много общего. Сближение происходило постепенно – прошло не менее полугода, прежде, чем между ними завязалась дружба. Их разные характеры не противостояли, но восполняли друг друга – черты, присутствующие у одного, дополняли отсутствующее у другого – скромность, сдержанность, добродушие Амдилаза уравновешивались

дерзостью, решительностью, неуступчивостью Мгуртала, который, несмотря на своё упрямство, всё больше и больше к нему привязывался, прислушивался и, как бы это ни странно звучало, поступал, как тот ему говорил.

Дружба Амдилаза с успевшим обрести недобрую славу Мгурталом в деревне вызывала недоумение. «Что может быть общего у примерного юноши и этого оболтуса?!» – пожимали плечами наурши. В течение нескольких последующих лет его влияние на «оболтуса» стало очевидным. Характер Мгуртала исправился, пропало насмешливое отношение к сверстникам, почти исчезли заносчивость и самоуверенность, сошла на нет грубость. Изумлению мдарахарцев не было предела. Не зря Нистарун называл Амдилаза «светлолицым», он сумел показать Мгурталу, что не всё добывается физической силой – значительно большего можно добиться мягкостью, кротостью, преданностью, готовностью понять, поддержать, помочь. Отношение к Мгурталу изменилось, его стали принимать на молодёжных посиделках, но никто так и не узнал, что об этом думал он сам – у него не было привычки делиться своими сокровенными мыслями даже с Амдилазом.

С момента их первой встречи прошло четыре года. Мгуртал наследовал от матери черты лица, от отца строение и крепость тела, объединил их и довёл до совершенства – вырос истинным атлантом, гигантского роста и огромной силы. В свои неполные двадцать лет он был чуть ли не на полголовы выше самых высоких односельчан, с мышцами, наполненными невиданной за всю историю Мдарахара силой – однажды одним ударом сразил наповал разъярённого дикого буйвола, вырвавшегося из загона для приручаемых животных и нёсшегося на него с налитыми кровью глазами. Выучившись искусству ухода за животными, он стал пастухом. Чаще всего ему доводилось ходить за козами, иногда, когда требовалась исполинская мощь, за буйволами – их поручали только опытным пастухам. Глядя на сына, Арминдуг озаботился вопросом семьи и уже предпринял две безуспешные попытки подыскать ему жену, но, невзирая на прекрасные физические данные, затея провалилась, девушки побаивались гиганта и отказывали под разными предлогами.

Амдилаз также подрос, но совсем немного, оставаясь маленьким и щуплым, как подросток, а когда родители решили его женить, сам попросил их не торопиться, говоря, что он ещё не созрел для такого

важного шага. К большому огорчению Нистаруна, Амдилаз пошёл по стопам отца, променяв перспективы получения жреческого сана на работу в поле.

Каждый день, с утра и до вечера, наурши трудились на полях, в садах, во дворах, в хранилищах, повышали общественное благосостояние, улучшали свой быт, и им казалось, что привычное течение жизни будет нести их всегда, как река несёт свои воды, местами шумно плескаясь и бурля, а местами успокаиваясь и тихо проскальзывая между покатых берегов, словно боясь потревожить рыбий покой, предоставляя ей тихие заводи для отдыха и раздумий о нелёгком рыбьем бытии. Так было и, возможно, продолжалось бы ещё много сотен, даже тысяч лет, не случись одного происшествия…

В один из ничем не примечательных летних дней Мгуртал пас стадо большегрудых коз недалеко от временного козьего постоя. Ближним к деревне краем пастбище охватывало полуовал уже скошенного пшеничного поля, дальним скатывалось к спокойно несущей свои воды реке. День близился к середине. Вдоволь нащипавшиеся сочной травы козы подрёмывали, пережёвывая излюбленную жвачку и вяло отгоняя назойливых мух и слепней. Воспользовавшись козьей сонливостью, дремал и Мгуртал, растянувшись под ветвями роскошной ивы и давая отдых гудящим от усталости ногам – утром им довелось немало побегать.

Амдилаз получил задание собрать на двух полях остатки пшеницы, связать в снопы и сложить в копны. Первое, малое поле, он уже закончил, и шёл на второе, которое было побольше. Его путь пролегал мимо дремлющих коз и дерева с посапывающим под ним Мгурталом. Амдилаз подошёл к нему, остановился у вытянутых ног и громко сказал:

– Приветствую усердных погонщиков коз!

– Привет землепашцам! – ответил Мгуртал, открыв глаза и подняв голову. – Куда путь держишь?

– На ту ниву, – показал рукой Амдилаз, – нужно собрать остатки колосьев, – и, помолчав, добавил. – Хорошо вам, пастухам, можете днём вволю поваляться на лужайке.

– Приходи! Побегаешь за козами – увидишь, как мы валяемся, – полушутливо возразил Мгуртал. – Похоже, тебе не нравится, что Мгуртал отдыхает, – укорил он друга.

– Не обижайся. Амдилаз тебя не обвиняет, но говорит, что нередко видит пастухов лежащими вместе с козами, особенно в полдень, – попытался смягчить свои слова Амдилаз.

– Так уж и нередко, – недовольно пробормотал Мгуртал.

В другой раз он пропустил бы реплику мимо ушей или ответил бы в прежнем шутливом тоне, но сегодня у него, неизвестно по какой причине, с самого утра не заладилось – выходя из дома, он споткнулся, подвернул ногу и с трудом прихромал к загону, где выяснил, что через прореху в ограждении две козы улизнули в неизвестном направлении. Излазив все окрестности и потеряв надежду отыскать пропажу, он побрёл назад и наткнулся на беглянок, бойко поедающих листья жиденького кустарника, а вернувшись с ними к стаду, обнаружил, что выпущенные пастись и оставленные без присмотра козы разбрелись, кто куда. Он принялся их собирать, но они бросались врассыпную, высоко задирая хвосты, резвясь и брыкая. Чуть ли не всё утро он соревновался с животными в беге наперегонки, вымотался до предела, дождался, наконец, козьего перерыва на отдых, согнал их в кучу, прилёг, чтобы утихомирить боль в подвёрнутой ноге, а тут появляется Амдилаз и прозрачно намекает на лень.

– Может и не так часто, но что есть, то есть, – настаивал землепашец.

«Это уже слишком, – подумал Мгуртал, – ну почему бы не промолчать?! Почему обязательно нужно утверждать, что пастухи – лентяи?» – но вслух не сказал, лишь огрызнутся:

– Ты взаправду считаешь нас, пастухов, бездельниками? Может, тебе просто самому хочется полежать, но старейшины не дают, вот и приходится работать с утра и допоздна?

– Конечно же, нет, – запротестовал землепашец, – мне ни чуточки не хочется ни сидеть, ни лежать. Как можно – вместо работы, валяться на земле? Если Амдилаз не будет работать, на него посмотрит один, другой, третий, и также станет отлынивать, а закончится это тем, что зимой науршам будет нечего есть и нечем кормить свою скотину.

– Что же получается? Вы, землепашцы – такие трудяги, работаете за нас, а мы – отъявленные лодыри, только бездельничаем? – угрожающе спросил Мгуртал. Разговор явно был ему не по душе, но Амдилаз этого не замечал или не желал обращать внимания.

– Амдилаз так не говорил, – коротко ответил он.

– Разве не говорил? А что слышал Мгуртал, или он сам с собой разговаривал? Ты сказал, что вам, землепашцам, нужно работать, а не лежать с утра и до вечера, как лежат пастухи – напомнил Мгуртал.

– Амдилаз говорил, что частенько видит пастухов валяющимися на траве, но не называл лентяями.

– А разве не одно и то же – валяться на земле и бездельничать? Или, может быть, ты наполняешь слова другим, неизвестным Мгурталу, смыслом?

– Ничем другим Амдилаз их не наполняет… если бы Мгуртал вспомнил, как это бывает с выпасающими стада пастухами, а именно, что они частенько отдыхают, он перестал бы отрицать очевидное и упорствовать. К тому же, Амдилаз ничего против тебя не имеет.

– Не имеет… а кто называл лежебокой? Мгуртал слушает и ждёт, что ты вот-вот ещё и насмехаться начнёшь, – начинал злиться гигант.

– Ты преувеличиваешь, никто тебя не обвиняет и не собирается над тобой насмехаться. Да что здесь происходит? Амдилаз сказал: пастухам хорошо, они частенько днём валяются на траве, а ты на него нападаешь…

– Мгуртал на тебя нападает? – не поверил своим ушам тот.

– Конечно, нападает! Амдилаз пытается убедить тебя в очевидном… вероятно, ты этого не замечаешь, что пастухи днём частенько занимают лежачее положение… не понимаю, почему ты упорствуешь, ведь это всем известный факт… а ты опять возвращаешься к придуманному тобой утверждению… Ещё раз повторяю: Амдилаз не обвиняет тебя ни в лени, ни в увиливании от работы…

– Что?.. Мгуртал ещё и увиливает от работы?..

– Да нет же, не увиливаешь…

Амдилаз стоял над ним, словно столб, упорно пытаясь доказать, что не имел и не имеет дурных мыслей, но говорит, что видел, и каждое, сказанное им слово, для собеседника звучало обвинением. Он почему-то задался целью разубедить Мгуртала в том, что землепашцы считают пастухов лентяями, но, чем дольше продолжался их разговор, тем успешней он добивался противоположного – неприязни, лично к себе, и ко всем землепашцам. Мог ли он предположить, чем закончится их короткая беседа? Если бы случилось чудо, он вдруг приобрёл бы способность предков и заглянул в сердце Мгуртала, бежал бы от него стремглав, без промедления, без раздумий, без оглядки! В гигантской

груди накапливалась злость, таящая в себе ураган невиданной силы. Увы, увядшая древняя способность молчала, а новая, опирающаяся на внешние проявления внутренних процессов, интонацию, мимику, жесты, была ещё мала и слаба – не подозревающий о приближении беды Амдилаз простодушно продолжал уверять собрата в дружелюбии. Зачем? Чтобы доказать известное? Нет! Чтобы дать время сконцентрироваться накопившейся злости. Собравшая силы стихия обязательно должна их выплеснуть, это для неё такая же необходимость, как для наполненных влагой туч излиться на землю – она обязана освободить вместилища, и не имеет значения, где это произойдёт и на кого падёт. Окончательное решение принадлежит величине критической массы – как только она достигает своего предела, стихия немедленно приводится в действие и низвергает накопленную мощь на преднамеренно либо случайно выбранную цель.

Мгуртал сидел, опершись спиной о дерево и подспудно надеясь, что его смутные тревоги напрасны – сейчас Амдилаз спохватится, заторопится и уйдёт. Но тот не уходил! Он стоял, как дерево – будто у него выросли корни, и продолжал настаивать на своём, в одночасье уверяя в обратном. Возможен ли парадокс мыслей при ясном сознании? Никак! Возможно ли убедить в этом помрачённый разум? Никогда!

Амдилаз болтал, Мгуртал слушал, и каждое слово землепашца увеличивало его гнев и приближало к предельному состоянию человеческой злости, за которым неизбежно сверкают молнии и гремят громы. В его груди собиралась буря, а в голове готовилось основание для команды. «Этот Амдилаз осмелился оскорбить Мгуртала прямо в лицо! Почему, с какой целью, случайно или преднамеренно? Мгуртал этого не знает, однако, Мгуртал ничуть не сомневается, что Амдилаз не может не понимать смысла своих слов… А если он злит его понарошку? Очень даже может быть… Посмотри на него! Стоит совершенно спокойный, упрямо продолжая елозить по больному месту. А почему, собственно, Мгуртал, должен слушать оскорбления тщедушного землепашца и оставлять их безнаказанными?! – в голове гиганта блеснула догадка. – Точно! Причина в безнаказанности! А ведь так и есть, Амдилаз говорит ему гадости потому, что уверен в безнаказанности! Но Мгуртал не желает терпеть оскорбления, а значит, нужно преподать землепашцу урок – чтобы впредь никто не посмел так себя вести, ни с ним, ни с кем-либо другим! А ведь он издевается над Мгурталом!

Зачем раз за разом повторяет о нашей лени, чего добивается? Если ничего не предпринять, он и дальше продолжит оскорблять всех пастухов, а остальные землепашцы, в лучшем случае, будут смеяться, в худшем – присоединятся к оскорблениям. Разумеется, они подхватят почин!» – мысль о возможных последствиях обдала душу жгучим огнём ярости, мгновенно определила врага, нацелила на него своё внимание и замерла в ожидании наступления критической отметки.

По своему характеру ярость Мгуртала была подобна просыпающемуся вулкану – ещё сонливому, сладко зевающему после тысячелетней спячки, лениво потягивающемуся, при этом, не забывающего испытать крепость своих членов, проверить их на готовность к грядущим действиям, а почуяв силу, стремительно, вдруг, в одно мгновение выбрасывающему в небо огонь, камни и пепел, из спокойного лежебоки превращаясь в неистового губителя, сеющего смерть и разрушения.

После мыслей об оскорблении и наказании Мгуртал уже не мог думать. Полыхающий в нём огонь затемнял взор, заслонял слух, пожирал сознание – он смотрел невидящим взглядом на шевелящиеся губы Амдилаза, слышал произносимые им слова, но едва ли понимал их значение, поскольку целиком сосредоточился на своих ощущениях, поддался убедительным доводам собственных предположений.

Словно издали, до него донеслись обрывки фраз:

– …стою… убежало времени… пойду на поле… придут носильщики, а поле не убрано... Зариваль спросит… скажу… – и пошёл дальше, не допытываясь, почему Мгуртал не отвечает.

Подготовленная и направленная на цель жаждущая возмездия сила давно уже томилась в ожидании команды к действию, но та медлила – оценивая обстановку, она исходила из нарушения равновесия, определяемого соотношением внешнего и внутреннего, где внешнее – это условия, не зависящие от воли ожидающего, внутреннее – установки, приводимые в движение собственными сознанием и усилием воли, именно они дают сигнал к исполнению. До тех пор, пока Амдилаз оставался на месте, память Мгуртала отображала образ их давней дружбы, а голос, лицо и миролюбивая речь блокировали рвущееся наружу пламя ярости и препятствовали приведению решения в действие. Стоило Амдилазу сдвинуться с места, равновесие нарушилось и запустился внутренний механизм исполнения. Переполненная яростью душа освободилась от оков памяти и скомандовала телу: «Теперь он твой – накажи негодяя!»

Забывшее о подвёрнутой ноге тело послушно сорвалось с места и понеслось за уходящим землепашцем. Амдилаз услышал глухие стуки сотрясающейся земли, шум вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, остановился, оглянулся, увидел летящего на него гиганта, открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел – подлетевший Мгуртал взметнул руку вверх и опустил громадный кулак на его голову. Ничего не успевший понять землепашец лишь издал нечленораздельный гортанный звук и повалился на шелковистый травяной ковёр, его глаза удивлённо воззрились на неожиданно раскинувшееся во всю ширь серое небо, а из носа и ушей выбежали тоненькие струйки алого цвета, закапали на густую зелень, потекли по стебелькам, листочкам, и сырая мдарахарская земля оросилась человеческим соком. Распластавшееся на траве юное тело едва слышно вздохнуло, и из временной обители, вместе с выдохом, вылетела стремящаяся ввысь душа – освободившись от бремени, она направилась гораздо выше нависающих над землёй туч, далеко-далеко, прямо к солнцу, куда не достигает взор ни одного атланта.

Мгуртал резко развернулся и, не оглядываясь на поверженное тело, пошёл обратно, прошёл мимо дерева, коз, сбежал по пологому склону вниз, к реке, снял набедренную повязку и погрузился в воду – ему захотелось освежиться. Окунаясь в текучую прохладу, он едва её ощущал, почти не обращал внимания на то, что делает и, тем более, о чём думает – его внимание, фокусируясь на клокочущей ярости, рисовало образы оскорблённого достоинства – отдельного, лично его, и общего, всех пастухов. В груди продолжала бурлить злость, в сознании проносились вихри неопределённых мыслей, возникали и таяли возбуждаемые ими образы, однако, откуда-то, из потаённых глубин души, сквозь этот хаос начинали пробиваться едва угадываемые отзвуки назревающих перемен, они звучали всё сильней и сильней, и вскоре с треском вынырнули на поверхность, образовав огромный душевный разрыв, возвещающий о рождении двух независимых частей когда-то единого целого, одной его частью были пастухи – свои, близкие, второй – землепашцы, отделившиеся, чужие, а вверху над ними нависала мрачная громадина торжествующего возмездия – убеждённость в правильности своего поступка, дающая полную уверенность, что непоправимый ущерб нужно восстанавливать только таким способом.

Наслаждаясь приятной прохладой, постепенно успокаиваясь и привыкая к новому состоянию разделённости, Мгуртал обратил

внимание на слабое прерывистое внутреннее движение неизвестной ему природы и обнаружил прорастание совсем незнакомого, едва уловимого чувства, а когда вышел из воды – бодрый, спокойный, уверенный в себе, из необъятной утробы удовлетворённого возмездия в его существо начала изливаться некая пульсирующая сила, наполняющая и охватывающая сознание, которое, по мере наполнения, будто раздавалось вширь и росло ввысь, создавая удивительное ощущение проясняющегося после непогоды неба.

Он одел набедренную повязку, поднялся на холм, окинул взглядом стадо – козы спокойно лежали на прежнем месте и не собирались подниматься, вернулся к иве, опёрся на неё спиной, закрыл глаза и прислушался к отголоскам протекающих процессов. У него не было ни малейшего представления об их происхождении и возможных последствиях, но появившаяся уверенность подсказывала, что ими руководила сила, вне всякого сомнения, могущественная. Мысль о том, что к нему, как и к праотцу Науршуну, пожаловали вестники самого Бога, взволновала, текущая по венам жидкость ускорила бег, мышцы охватила мелкая дрожь, в ушах протяжно запищало, а когда волнение прошло, до него донёсся едва слышимый голос: «Мгуртал! Очнись! Приди в себя и услышь меня! К тебе взывает твоё Я. Открой глаза и узри своё сокровенное Я.» От неожиданности гигант опешил. Он мог допустить всё, что угодно, но, если неизвестность оставляла простор для догадок, голос создавал путаницу. «Какой ещё такой я? Где этот я?» – удивился Мгуртал и стал оглядываться по сторонам, ища хозяина призывов, никого не обнаружил, потряс головой, чтобы избавиться от наваждения, но притихший на время поиска голос не только не пропал – он окреп и зазвучал сильнее: «Не ищи меня снаружи. Посмотри внутри! Мы с тобой едины, ибо Я обретаюсь в тебе. Я – твоя сокровеннейшая сущность. Я – это ты, твой разум, твои мысли, твоё сознание. Прислушайся к себе, и найдёшь меня. До сего дня ты не мог меня услышать, а теперь можешь. Отныне мы пойдём по жизни вместе. Отныне и на все времена Я буду твоим спутником.» Он слушал всё чётче звучащие слова и чувствовал, что вместе со словами в него словно что-то вливается, растекаясь в до этого пустующих пределах, а сознание с трудом, но приходит к пониманию воссоединения со своим родным братом, в далёком прошлом ушедшем в неизведанные края, долго отсутствовавшем, а сейчас вернувшемся в родной дом. Мгуртал всецело предался пронзившему его чувству, находя в нём особое удовольствие,

особое наслаждение, возникающее при возвращении давно потерянной ценности, без вести пропавшей, забытой в череде меняющихся событий, покрывшейся толстым налётом вековой пыли, и случайно найденной в ворохе ненужных вещей. Ему захотелось продлить необыкновенное ощущение, прочувствовать его ещё раз, обязательно в одиночестве, один на один, с собой, и с ним, своим Я, обретённой частицей самого себя.

Мгуртал решительно оттолкнулся от дерева, поднял дремлющее стадо и повёл его подальше от деревни – туда, где никто и ничто не сможет ему помешать насладиться откровенным разговором со своей внутренней сущностью.

А в Мдарахаре носильщики принесли с малого поля на хоздвор последние вязанки снопов и намеревались идти на большое, но их задержал Зариваль, попросивший помочь установить массивные деревянные опоры для нового навеса. В это же время ответственный за сбор урожая старый хромой смотритель посевов пошёл к Амдилазу, посмотреть, как он в одиночку справляется с заданием. К его удивлению, поле пустовало. Старик огляделся, прошёлся вдоль ближней к деревне стороны, несколько раз крикнул: «Амдилаз! Где ты?», – ответа не последовало. Тогда он пошёл на противоположную сторону поля и прокричал там что есть мочи: «Амдилаз! Амдилаз!» – но никто не отозвался. Это было совсем не похоже на аккуратного, ответственного юношу. Старик остановился, растерянно посмотрел по сторонам, и тут его взгляд упал на валяющийся недалеко от ветвистой ивы частично скрытый невысокой травой продолговатый предмет, он попытался рассмотреть его, однако подслеповатые глаза различали лишь расплывчатые очертания. Заинтригованный смотритель направился к находке, по привычке смотря себе под ноги, время от времени посматривая вперёд и пытаясь угадать, что там может лежать. Примерно с половины пути в полузакрытом травой предмете проявились явные признаки человеческое тела, ставшие причиной первых смутных подозрений, а когда до него осталось меньше десяти шагов, смотритель в очередной раз понял голову отчётливо увидел мёртвого Амдилаза, по инерции сделал ещё несколько шагов и остолбенел от ужаса. По прошествии первого впечатления его охватило непреодолимое желание бежать, он быстро пошёл прочь, но сразу же засомневался в правильности совершаемого действия, остановился, развернулся, ступил два шага в сторону страшной находки и застыл, не

зная, что делать, повернулся к деревне, оглянулся на Амдилаза, убедился, что подойти к нему ближе не сможет, опять посмотрел в сторону деревни и вспомнил про носильщиков, которые собирались идти вслед за ним и могли вот-вот появиться. Понадеявшись на своё предположение, он стал их дожидаться, однако, прошло, как ему показалось, очень много времени, а тропинка пустовала. Старик ещё раз оглянулся на неподвижное тело и быстро похромал в Мдарахар. Похоже, с возведением опор возникли сложности, и носильщики до сих пор оставались на хоздворе – на обратном пути они ему так и не встретились.

Добравшись до хоздвора, он громко закричал:

– Амдилаз лежит на поле мёртвый!

Четыре опоры, скреплённые двумя радами перекладин, уже стояли. Усталые работники сидели на куче сухих дров и беседовали. Они услышали крик смотрителя посевов, подскочили к нему, обступили со всех сторон и засыпали вопросами, а он смотрел на них широко открытыми глазами и повторял:

– Амдилаз лежит… там трава невысокая и очень мягкая… Амдилаз лежит в ней, такой маленький, совсем ещё ребёнок…

Зариваль услышал шум, подошёл к старику и спросил:

– Что-то случилось с Амдилазом? Где он?

– У большой нивы… где Мгуртал нынче пасёт козы… лежит… без движения, – запинаясь, ответил старик.

Зариваль отобрал четырёх человек, взял смотрителя посевов и поспешил с ними на поле. Когда до нивы оставалось меньше сотни шагов, старик указал на место, где он нашёл тело. Зариваль не удержался, побежал к нему, упал возле него на колени, прижал голову к его груди, прислушался к ударам сердца, но ничего не услышал. В отчаянии он схватил его за плечи, приподнял и потряс. Голова юноши безжизненно повисла, а на выходящих из носа и ушей потемневших полосках крови появились свежие струйки. Зариваль остановился, аккуратно положил тело на землю, поднялся, поручил двум землепашцам прочесать местность, а сам стал осматриваться.

Землепашцы тщательно исследовали поле и пастбище на добрых две сотни шагов от тела, но вернулись ни с чем – не обнаружили никаких посторонних предметов, никаких свидетельств, прямо или косвенно указывающих на причину и виновников смерти, только многочисленные отпечатки козьих копыт на ближайшем холме.

– Нужно найти Мгуртала и расспросить, утром он здесь пас коз, мог что-то заметить, – предположил Зариваль и велел одному из односельчан найти его и привести к нему.

Остальные наломали веток в ближайших зарослях кустарника, сплели носилки, положили на них тело и понесли в деревню.

У входа в Мдарахар их ждала толпа взбудораженных сородичей. Впереди всех, не зная, верить злым слухам или не верить, стояли родители Амдилаза. Женщины встретили носилки настороженным молчанием, убедились в правдивости молвы и запричитали, мужчины понурили головы, и многократно увеличившаяся процессия потянулась в деревню.

Зариваль уведомил о несчастье членов совета и послал к месту трагедии самых опытных охотников, поручив им выяснить причины происшествия. После тщательного осмотра они пришли к заключению, что следы и предметы, имеющие прямое либо косвенное отношение к смерти, отсутствуют, возле тела не было ни диких зверей, ни человека. Отпечатков, оставленных ещё одной парой ног, не заметили – из-за твёрдой почвы и примятой односельчанами травы обнаружить их не представлялось возможным.

Совет расспросил смотрителя посевов, ничего не выяснил и решил дожидаться возвращения Мгуртала: «Козьи следы на холме говорят, что он был рядом, следовательно, мог что-то увидеть, по крайней мере, услышать.» Никто не допускал мысли, что тот причастен к убийству. Никто не мог и предположить, что человек способен поднять руку на человека и лишить его жизни.

Землепашец, посланный на поиски Мгуртала, вернулся ни с чем. Стадо стояло там почти четыре дня, изрядно истоптало землю и ощипало зелень, следы копыт уходили во всех направлениях и поворачивали назад. Сколько он по ним ни ходил, неизменно возвращался к загону, сколько ни кричал, ответа не слышал. Сумерки помешали ему тщательней проверить направление широкой низины, но путь к ней сложный, чреват опасностями, маловероятно, что хорошо знающий местность Мгуртал мог решиться идти в сторону многочисленных болот и трясин.

Собравшиеся у Нистаруна жрецы и старейшины свели воедино известные им события этого дня, в двух разных происшествиях заметили много общего и, обеспокоенные собственным выводом, поневоле связали их в одно. Дежурившие у дома Нистаруна односельчане услышали о подозрениях, встревожились сами и растревожили деревню. В загадочной

смерти одного и необъяснимом отсутствии другого скрывались странность и таинственность. Произошедшие в одном и том же месте, в одно и то же время, они с очевидностью цеплялись друг за друга, как колючие ветви кустарника цепляются за одежду путника, упрямо продирающегося сквозь густые заросли. Это приводило к мысли, что Мгуртал должен иметь какое-то отношение к смерти Амдилаза и, несомненно, может пролить свет на обстоятельства трагедии, но спустившаяся на землю ночь и отсутствие пастуха отодвигали разрешение загадки, как минимум, до завтрашнего утра.

Мдарахару предстояло пережить беспокойную ночь. В сердца его жителей закралось преследующее их даже во сне предчувствие беды, уже присутствующей, но до поры остающейся безымянной.

Глава III

В то время, как в деревне после известия о смерти Амдилаза и безрезультатных поисков пропавшего Мгуртала воцарилось беспокойство, его виновник вёл животных в противоположную от неё сторону – почти весь остаток дня он шёл без остановки, ничего не замечая, не обращая внимания куда идёт, не смотря себе под ноги и не думая о последствиях. Значимость его мыслей была несоизмеримо важнее всего, что он до сих пор знал, среди чего жил, что считал важным, к чему стремился, чем дорожил. Проявившееся ощущение собственного существа будоражило: «Мгуртал осознаёт себя!», – восторженно думал он. «У меня есть чувства и есть мысли! Это – мои собственные чувства и мысли, которые я думаю сам! Никто не вправе указывать мне, как думать, что думать, о чём думать! Это – моё, личное! Это – моя собственность! Никто не посмеет сказать мне: отдай их общине – они неотчуждаемы! Я связан с ними теснее, чем со своими руками и ногами. Теперь я точно знаю: у меня есть то, что принадлежит лично мне, и больше никому! Сегодня я обрёл родного брата – живущее во мне мыслящее существо. Сегодня я узнал, что он только мой – думает и чувствует для меня. Он ожил, вырос и наполнил меня достоинством! Сегодня я стал иным человеком! Я раскрылся, как раскрывается цветок. Это существо – я сам! Теперь у меня есть моё личное Я! Отныне Мгуртал говорит себе: Я!» Чувство приобретения, о котором он до сих пор не мог и мечтать, приводило Мгуртала в глубочайший восторг. Он окунулся в него с головой, забыв

о всём на свете. Смерть друга лишь единожды мелькнула в его воспоминаниях случайной далёкой бледной тенью и пропала, заглушенная мощным воздействием проявившейся личности.

Мгуртал долго ещё шёл бы в неизвестность, мыслями и ощущениями витая далеко за пределами пасмурной атлантической действительности, если бы на его пути не попался вероломно спрятавшийся в траве камень. Гигант пнул его больной ногой, упал словно подкошенный, закачался по земле, схватившись обеими руками за ушибленный палец, чтобы хотя бы немного ослабить сильнейшую боль, а когда она притихла, поднялся и стал ошарашено оглядываться по сторонам, попутно соображая, где находится. Оказывается, он направлялся в сторону гор и уже добрался до хорошо знакомых мест, куда раз в два года, ближе к осени, приходит один из жрецов в сопровождении трёх-четырёх носильщиков, чтобы пополнить запасы растущей здесь в изобилии целебной травы. Года три назад он побывал в одном из таких походов, и сейчас знал, куда его занесло.

Вечерело. О возвращении в деревню не могло быть и речи. Потускневшие горные изгибы говорили о близости ночи, и о том, что пора позаботиться о ночлеге. Сбившиеся в кучу козы всем своим видом показывали готовность укладываться спать, активным оставался только старый опытный вожак, прогуливающийся вокруг стада. К счастью, болота остались позади, они давно шли раскинувшейся во все стороны равниной. Это хорошо, хищники будут видны на большом расстоянии, плохо то, что рядом нет источника воды и какого-нибудь укрытия, но делать нечего, придётся ночевать здесь. Вынужденный странник глубоко вздохнул, опустился на колени и принялся рвать траву для постели. Пришёл в себя и его желудок, напоминая о своей потребности и жалуясь, что за весь день он получил лишь несколько жиденьких пучков зелени. Сцеженное у коз молоко частично приглушило остроту голода, однако ощущение пустоты осталось. Пока Мгуртал готовил постель, выбирал покладистых коз и сцеживал молоко, на землю опустилась темень. Он ощупью обошёл стадо, нашёл приготовленное для ночлега место и завалился спать.

Ему нечасто приходилось ночевать на открытом воздухе. Из-за опасности попасть в лапы зверя мдарахарцы не брали молодёжь в дальние походы, поэтому те четыре ночёвки в чистом поле, в которых он побывал, оставили о себе наилучшие воспоминания. Усталость и

долгий переход требовали отдыха, казалось, сон висел на кончиках ресниц, и всё же, что-то мешало окунуться в сновидения, потихоньку, незаметно отодвигая его дальше и дальше.

Вначале он просто лежал с сомкнутыми глазами, с удовольствием растянувшись на свежей траве, принюхиваясь к россыпям запахов и терпеливо дожидаясь скорого наступления сна – увы, его не было и в помине, затем стал менять положение, переворачивался с боку на бок, иногда приподнимался, подбивал подстилку, ложился поудобней, и всё же, вопреки ожиданиям, результат получался обратный – тело становилось бодрее, глаза с лёгкостью открывались, смотрели в кромешную темноту, с усилием закрывались, искали хотя бы малейшие признаки сна, не находили и опять открывались, бессмысленно таращась в ночную пустоту. Через какое-то время на смену бессоннице пришло нечто невероятное – в его мышцы начала вливаться энергия, а тело наполнялось желанием действий. Сопротивляясь наплыву небывалой активности и струящемуся по телу приливу сил, Мгуртал упорно пытался уснуть – зажмуривал открывающиеся глаза, обхватывал руками голову, накрывал травой лицо, даже втирал в кожу лба травяной сок – жрецы рекомендовали применять его при бессоннице, но потуги были напрасны. Устав бороться с бодростью, гигант разочаровано замычал, раскинул руки в стороны и сжал кулаки – они ощутились двумя огромными валунами, загудели от напряжения и сконцентрированной в них мощи, и отозвались в нём чувством всесилия. Он зарычал, вскочил на ноги, вскинул руки вверх, упал на колени и стал размашисто бить кулаками землю. Волны от ударов глухо раскатывались по спящей почве, заставляя коз встревожено поднимать головы и испуганно поводить ушами, а Мгуртал предавался сладостному чувству всемогущества, остервенело вбивая кулаки в землю, представляя себя несокрушимым мировым вершителем, огромным и вечным, как виднеющиеся на горизонте горы. Однако через некоторое время боль от ударов и усталость напомнили ему, что он остаётся обыкновенным человеком. Гигант упал на спину и попытался успокоиться, но о покое не могло быть и речи – кровь неслась по сосудам со скоростью ветра, превращая тело в бурлящий круговорот энергии, пульсирующий в членах жаждой действий, отдающей в голове бухающими ударами.

Приступы активности продолжались чуть ли не всю первую половину ночи. Неведомая сила раз за разом поднимала его на ноги, заставляя послушно вскакивать, угрожать невидимому противнику кулаками,

сотрясать землю, кататься по траве, тревожа безмолвствующее поле и ужасая козье сообщество громогласным рёвом. Порядком накричавшись и устав, он опрокидывался на спину и замирал, дожидаясь, пока несущаяся по сосудам кровь, неустанно насыщающая тело силой, не переполняла мышцы рвущейся наружу мощью и его не накрывала очередная волна активности. Поле опять оглашалось рычанием, земля содрогалась от сыпящихся ударов, а мышцы звенели от напряжения и сокращались до такой степени, что, казалось, вот-вот лопнут.

Мысли о ценном приобретении оставили Мгуртала, когда он споткнулся о камень. Вернувшись в настоящее, он помышлял лишь об отдыхе для своего тела, его не интересовали ни происхождение энергии, ни её природа, однако, если для него причина бессонной ночи покоилась в нём самом, то для коз она исходила из внешнего мира, от хорошо знакомой им особи, до настоящего времени ничего подобного не обнаруживающей.

Козы впервые увидели странное поведение существа, которое всегда считали разумным, очень ему удивились, но ещё больше испугались. Они жили с ним всю свою жизнь, знали его повадки, изучили весь перечень совершаемых им действий, могли без труда распознать их цель и последовательность, но этой ночью произошло что-то невероятное, человек повёл себя так, будто хотел загнать обратно в землю уже выросшую траву. «Зачем он это делает?» – задавались они вопросом и не могли на него ответить. Самым сообразительным из них считался вожак стада, старый опытный козёл, но и он, поставленный Мгурталом в тупик, только напряжённо всматривался в его сторону и ждал наихудшего…

Эта ночь выдалась самой беспокойной в довольно однообразной и короткой козьей жизни. Животные не понимали, почему хорошо знакомый человек лупит землю и рычит, угрожая им расправой, как это обычно делают хищники, а старый вожак устал испуганно трясти длинной бородой, вскакивать, бегать вокруг стада, прислушиваясь к мгурталовым выходкам и вздрагивая всем телом от глухих ударов его кулаков. Вожак много повидал на своём веку, получил большой опыт в бесконечных схватках с претендентами на высокую должность предводителя стада и щедро им делился с подрастающей молодёжью, ежедневно участвуя в воспитании возмужавшего поколения. Благодаря прытким ногам и везению, он не раз успешно спасался от хищников, а однажды лишь чудом

избежал наглой смерти, оставив в волчьих зубах клок своей шкуры, о чём свидетельствовала отметина на правой задней ноге, но слушать такие выступления ему ещё не приходилось, к тому же ночью, во время законного сна. Зачем человек так себя ведёт, вожак не выяснил, но он знал наверняка, что дальний путь и поздняя ночь требуют отдыха, и они имеют на него полное право. После второго или третьего мгурталового приступа вожак уже не ложился, только самоотверженно носился возле своих подопечных, не зная, куда подевать трепещущее от страха стадо, и куда спрятаться самому, а когда наступила долгожданная тишина, он постоял, услышал равномерное дыхания источника беспокойства, убедился в отсутствии опасности, лёг, свесил набок тяжёлую голову и задремал.

На рассвете Мгуртал с большим трудом встал, поднял коз и пустился в обратный путь. Ему очень хотелось есть и пить. Жажду он, с горем пополам, утолил, слизывая с травы капли утренней росы, но голод заглушить было нечем. Пустой желудок гнал вперёд сильнее пастушьего кнута. Широкую низину они прошли быстро, за ней потянулись вязкие топи. Измученное ночным бодрствованием тело ныло, отпустившая днём подвёрнутая нога с ушибленным пальцем болела пуще прежнего, недоеные со вчерашнего утра козы норовили разбежаться по сторонам. К вышеперечисленным неприятностям прибавлялась ещё одна, тревожившая больше остальных – он никак не мог вспомнить детали вчерашнего дня. Из произошедшего накануне припоминалось одноединственное впечатление яркого, озаряющего чувства воссоединения с собой, остальное исчезло, не оставив и следа. Ощущалась не просто пропажа, скорее постыдное воровство – будто кто-то прикрыл ценнейшее приобретение тёмной накидкой и унёс в неизвестном направлении.

Показавшаяся верхушка святилища обрадовала усталого, голодного Мгуртала как никогда. Приободрённый близостью дома, он погнал стадо не на временный козий постой, расположенный на другом конце деревни, а на ближайший хоздвор.

В Мдарахаре его ждали с нетерпением. Старейшины с утра пораньше отправили на розыски пропавших четыре группы односельчан, наказав им повнимательней осмотреть направление широкой низины, и узнали, что козьи следы ведут к болотам. Эти болота были не опасны для жизни, но занимали слишком обширную территорию, обследование

которой было не под силу такому количеству людей. Совет решил, если Мгуртал со стадом не вернётся до обеда, во второй половине дня, после прощания с Амдилазом, идти на поиски всей деревней.

Мдарахар встревоженно гудел, то тут, то там на его улицах собирались кучки односельчан, обсуждали последние события, высказывали соображения, делились предположениями, расходились и опять сходились, в другом месте, в другом составе, но с прежними темами разговоров, без устали вновь и вновь обговаривая тревожные новости, и единственным, что отчётливо звучало в этих беседах, выделяясь на фоне туманных догадок и предположений, было выражение ощущения неизвестной по происхождению большой по значимости потери, ощущение, что где-то случилось что-то ужасное, и эта неизвестность действовала на мдарахарцев особенно устрашающе.

Прошедшую ночь Свидамиль перенесла тяжело. С момента, когда ей стало известно о пропаже сына, и до сегодняшнего утра, она не находила себе места, тщетно силясь представить, что могло быть причиной его отсутствия. В голове переворачивались ворохи мыслей о громадных крылатых чудовищах и их страшных спутниках, огромных стаях кровожадных волков, а душу глодал неразрешимый вопрос: неужели её сын, вместе со стадом коз, стал первой жертвой ненасытных тварей? Она отгоняла скверные мысли, убеждая себя в том, что звери не могли прийти и уйти незамеченными – кто-то бы обязательно их увидел. Довод казался убедительным, на короткое время сердечная боль отступала, затем вставал следующий вопрос: если не звери, то кто? На этот вопрос ответы отсутствовали, взор невольно обращался к Амдилазу и ползущей по Мдарахару молве о странном стечении обстоятельств, в душу закрадывались тревоги, подозрения, догадки, опасения, она пыталась переключиться на текущие дела по дому, но к ней тихой поступью подбирались знакомые мысли о драконах и пускались по протоптанной дорожке.

Возвращение Мгуртала первыми заметили играющие на поле дети:

– Мгуртал идёт! Мгуртал вернулся! – громко закричали они, указывая пальцами на появившееся вдали стадо и хромавшего за ним пастуха.

Услышав о возвращении сына, Свидамиль выскочила в поле, надеясь встретить его невредимым и развеять бередившие душу тревоги. Стадо приближалось. Козы узнали родные пенаты и бежали трусцой, блея радостным нестройным хором, а за ними, едва поспевая, ковылял Мгуртал. Свидамиль поспешила ему навстречу, но далеко впереди неё,

быстро приближаясь к стаду, шли жреческие посыльные и пастухи. Она увидела, как его остановили, вероятно, что-то сказали, обступили с трёх сторон и повели в деревню, а пришедшие ему на смену два пастуха стали поворачивать стадо в сторону временного постоя, откуда они вчера вышли. Мимо Свидамиль прошла вереница женщин с покачивающимися на спинах в такт ходьбе молочными мехами. Встретившись с Мгурталом и посыльными, они сошли с тропинки, пропустили их, вернулись обратно и пошли за стадом.

Мгуртал не понимал, почему посыльные встретили его далеко в поле, обступили и ведут к старейшинам, по какой причине у деревни собралась толпа глазеющих на него сородичей. Увидев мать, он с удивлением посмотрел на её грустное лицо, но ничего не спросил и не сказал, Свидамиль также промолчала. Происходящее не давало возможности поговорить, а ей очень хотелось узнать, почему он отсутствовал дома, по какой причине и где всё это время пропадал – сердца матери болело от одной мысли, что родной сын мог быть причиной страшного преступления, кровавым пятном нависшего над её седеющей головой.

Всю дорогу жреческие посыльные молчали, не смея вторгаться в область, выходящую за пределы их прав и познаний, безмолвствовал и Мгуртал, не считая нужным задавать лишние вопросы. В деревне чувство голода стало мучить его ещё сильнее, но он терпел, покорно следуя с посыльными и зная – так или иначе, эта задержка будет недолгой.

Чтобы войти внутрь дома хранителя преданий, Мгурталу пришлось пригнуться – устроители входного проёма не предполагали, что в него будут входить люди такого роста. Провожатые ввели его в светлицу и вышли. Присутствующие поприветствовали гостя вставанием, Нистарун спросил, как он себя чувствует, усадил на своё место, встал напротив и объяснил:

– Пусть Мгуртал не удивляется, что посыльные наказали ему идти к Нистаруну. Вчера в деревне произошло в одночасье ужасное и непонятное событие – смотритель посевов нашёл Амдилаза мёртвым. Он лежал у дальнего поля, граничащего с временным козьим постоем. Зная, что ты выпасал там коз, мы искали тебя, чтобы спросить – может быть, ты кого-то видел, либо слышал какие-то звуки?

Мгуртал сидел с каменным выражением лица: нет, он ничего не слышал, никого не видел, ничего не знает – да, конечно же, Мгуртал был там с утра, а затем ушёл – возможно, Амдилаз пришёл позже, когда он уже увёл коз на новое пастбище.

– Но зачем тебе понадобилось уводить гурт? – недоуменно спросил Зариваль, – возле постоя ещё вдоволь сочных трав, и – что заставило остаться в поле на ночь?

– Не огляделся, как стемнело, – коротко ответил пастух, – вот и заночевал, где придётся, а ушёл потому, что козы отказались есть истоптанную траву.

В поиске ключа к разгадке старейшины вновь и вновь спрашивали Мгуртала, где он пас коз в первой половине дня, что слышал, видел, внимательно слушали ответы, всматривались в глаза, но ни в нём, ни в его ответах, не находили ничего, кроме неясностей. Возможно, так и было – он ушёл, Амдилаз пришёл, и то, что с ним произошло, из-за большого расстояния, кратковременности или бесшумности, до него не долетело. Старейшины не знали, что думать – вместо света они получили потёмки и много дополнительных вопросов. Ничего не добившись, Мгуртала отпустили домой и разошлись сами – дел у каждого было невпроворот.

После разговора с Мгурталом Нистарун направился в свой прежний дом, в котором проживал его средний сын, убедиться в готовности к церемонии прощания и в последний раз посидеть рядом с внуком.

Он быстро прошёл улицу, вошёл во двор и сразу же сильно замедлил шаг, преодолевая неведомое сопротивление. Занятый грустными мыслями, он поначалу не обратил на него внимания, приняв за нередко задувающие к ним океанические ветры, однако, вскоре выявилось, что сопротивление исходило не от дуновения ветра – оно обладало вязким, обволакивающим характером, напирая с силой стремительного течения реки. Обнаружив удивительное явление, хранитель удивился: «Что это может быть? Почему родной порог не пускает меня к родительскому крову?» Но стоило ему поднять голову и посмотреть на крышу дома, как вопрос разрешился сам собой. «А ты изменился, – подумал он. – ты уже не тот дом, куда всегда спешил Нистарун, где его встречали радость и благополучие. Отныне ты стал обителью скорби, на это указывает пылающий над тобой огненный знак, символ печали, извещающий, что здесь поселился новый хозяин, и установленная им первая метка требует, чтобы мы преклонялись пред его могуществом, проникшим в нашу жизнь посредством этой смерти.» Засмотревшись на яркие линии рогатого символа, Нистарун невольно остановился: «Торжествуешь победу? Знаю, наша скорбь даёт тебе повод для радости. Твои успехи и

впредь будут вырастать из наших болей, а нам придётся привыкнуть к ним, смириться с поражениями и научиться жить против непрерывного течения твоих губительных очарований. С этой поры вся наша жизнь станет сплошным преодолением выстраиваемых тобой препятствий. И так будет до наступления следующего испытательного периода – до осознания себя, понимания своей сущности, своей миссии, смысла своего существования…»

Двери были открыты настежь. В очаге напротив входа тускло мерцали угли, в доме неслышно ходили люди, слева виднелась часть плетёнки и ноги лежащего на ней внука. В проёме показалось несколько уходящих односельчан. Нистарун молча пропустил их и вошёл внутрь. Покрытое белым полотнищем юное тело покоилось на плетёнке на полу, вокруг него сидели и стояли убитые горем сородичи.

Заглядывал ли кто в сердце матери, стоящей у неподвижного тела своего сына, ещё вчера здорового, активного, полного сил, надежд, намерений? Видел ли кто сердце отца, застывшего у бездыханного тела родного ребёнка, радовавшего его своей сноровкой, отзывчивостью, смекалкой, первого помощника в ежедневных делах? Что чувствует человек, потерявший самое ценное в своей жизни? Опустошённость! При потере близкого человек ощущает внезапно образовавшуюся пропасть – бездонную, необъятную, страшную внутреннюю пустоту, приобретающую внешние признаки в отсутствии привычной, устоявшейся, прочной опоры. Проникшее в душу семя смерти поражает ростки жизни и порождает паралич, пустоту. Цветущий мир враз тускнеет, обесцвечивается, сжимается, съёживается до размеров горчичного зерна. Кажущиеся дорогими вещи в одно мгновение теряют ценность и смысл, их краски блекнут, а значимость исчезает. Наступает час переоценки. Это – полноправный час Бога, время, когда Он свободно и открыто вступает в человеческую жизнь, предлагая принять истинные мерила ценностей, а людям предоставляется возможность протянуть руку, взять предложенное, совместить свои мерки с непреходящими и увидеть разницу. В часы откровения раскрываются сокрытые злобой дня и людскими желаниями тайны, одна из них указывает, что нескончаемое множество самых необходимых вещей – всего лишь жалкое приложение к тому, что составляет главное счастье людей, что занимает в их сердцах важнейшее место – к человеческому общению, к слиянию их душ, к каждому мгновению, проведённому вместе. К сожалению, понимание истинной

ценности часто постигается людьми слишком поздно. Они живут, словно в полудрёме, и просыпаются, когда этой ценности уже нет! Чувство радости, возникающее даже не от близости тел, не от физического присутствия рядом, но от осознания, что он живёт с тобой на одной земле, дышит одним воздухом, смотрит в одно небо – укрепляет человека, делает сильнее. Понимание, что он навсегда покинул этот мир, и ты уже никогда не увидишь родных глаз, не услышишь ласкающего слух голоса, не возьмёшь за руку – подавляет душу, ослабляет тело, отнимает отпущенные для жизни земные дни. С этой потерей примириться труднее всего, её можно заглушить, ослепить, попытаться от неё убежать, однако, она навсегда остаётся в сердце и живёт в его глубинах до последнего вздоха.

Присев на край скамьи. хранитель смотрел на внука, на людей, слышал приглушённый говор, но его мысли витали далеко отсюда: «Много ли времени минуло с тех пор, как ты на четвереньках исследовал мир, норовя забраться в самые труднодоступные места? Мне кажется, это было вчера, но твои годы возражают. Сколько лет мы провели вместе, испытывая потребность друг в друге, ты – утоляя свою любознательность, твой дед – удовлетворяя юную пытливость? Конечно, Нистарун скажет – очень мало, ведь сейчас он испытывает жгучее желание вернуться обратно, продлить прожитое хотя бы на один миг, но ты обязательно спросишь: «Деда, а зачем? Что тебе даст этот миг, если не хватило целых двадцати годов?» Его голова невольно опустилась. «Ты прав, мой мальчик, – с горечью подумал он, – действительно, иногда кажется, что один миг может стоить полных двадцати лет, в течение которых ты радовал нас своим присутствием, а мы удивлялись твоему благонравию, находя его несвойственным юности. Ты нас покинул, вместо тебя в доме поселилось горе, и с этого дня оно станет нашим постоянным спутником. Чем его можно измерить? Как определить характер боли, большая она или удушающая, высокая или режущая, колющая или угнетающая, разрывающая или глубокая, обжигающая, подавляющая, изламывающая, изъедающая, иссушающая? Если свойства и характер физической боли у людей родственны, а её глубину и силу – отчасти – можно определить, душевная боль не поддаётся ни измерениям, ни характеристикам, правда, её пытаются описать, однако, она всегда индивидуальна, каждый познаёт её по-своему, а переживший поражается, сколь она многолика, безгранична, всеобъемлюща и всепоглощающа, –

Нистарун вздохнул. – Увы, мой мальчик! Как бы нам ни хотелось, горю войти не запретишь, уже вошедшее не выгонишь, и убираться прочь ему не прикажешь. Горе своевольно – оно всегда входит без спроса, не предупреждает о своём визите, не стучится, не приветствует хозяев, не спрашивает: «Здравствуйте, мои дорогие! Можно ли к вам в гости?» – Оно смело открывает двери – оно взламывает их одним ударом, а если двери прочные и запоры крепкие, запросто сносит всю стену! Когда ему нужно войти, оно войдёт, и чем крепче устроена преграда, тем более значимую разруху учинит сей нежеланный гость.»

Всецело отдавшийся беседе с внуком Нистарун не задумывался ни о причинах смерти, ни о её виновнике, а в это время причинитель сидел дома, на полу напротив матери, и аппетитно уплетал пшеничную кашу. Они были одни. Арминдуг с Шиданаром с самого утра ушли на срочную починку загонов, ночью разгромленных растревоженными буйволами. Перебросившись с сыном несколькими ничего не значащими фразами, Свидамиль положила ему поесть, села на скамью и смотрела, как он жадно поглощает пищу. Если до встречи в поле она беспокоилась о нём и его здоровье, а увидев, обрадовалась, что он не изувечен, и успокоилась, дав себе отдохнуть от ночных тревог, то сейчас её сердце заныло от подозрения в причастности Мгуртала к смерти Амдилаза. Что-то в нём было не так, вместо того, чтобы рассказать матери о своих приключениях, как это было всегда, он только угрюмо буркнул: «Всё в порядке.» Она пыталась избавиться от своевольно пробравшихся к ней мыслей, но они уже закрепились и вели себя как хозяева, раз за разом подсовывая самые несуразные предположения, неопровержимо объясняющие непонятное поведение сына.

Мгуртал поел, сел на скамью, упёрся глазами в землю и сидел так до возвращения отца и брата.

Взглянув на сына, Арминдуг сказал:

– А вот и наша пропажа! Рад видеть невредимым. Сынок! У отца к тебе маленькое пожелание – если ещё раз задумаешь исчезнуть, будь добр, шепни матери, что тебя не будет, а то она целые сутки места себе не находила, – и попросил Свидамиль. – Дай нам своей вкусной каши.

В ответ Мгуртал приподнял голову, метнул в него недовольным взглядом и вернулся в прежнее положение, а Свидамиль засуетилась возле каменной ёмкости. Вскоре на полу появилась миска с кашей. Арминдуг с Шиданаром сели возле неё и активно заработали деревянными

черпалками. Поевши, они переместились на скамью возле Мгуртала и заговорили о хозяйских делах.

С улицы стали долетать голоса и раздаваться звуки многочисленных шагов. Шиданар навострил слух, выбежал из дома и сразу же вернулся:

– Люди идут к Амдилазу.

Свидамиль, Арминдуг и Шиданар тотчас отправились на вторую половину. Вернувшись, переодевшийся в чистую белую рубаху Арминдуг застал Мгуртала в прежнем положении и спросил:

– Ты слышал? Народ идёт прощаться с Амдилазом.

Тот не пошевелился. Подошёл Шиданар, затем Свидамиль, Арминдуг шагнул к выходу, остановился, обернулся и переспросил:

– Так ты идёшь или остаёшься?

– Иду, – поднимаясь, нехотя ответил тот.

Он чувствовал насторожённость, скрытое недоверие и холод отчуждения, но его, приученного к одиночеству, умеющего не обращать внимания на то, что непосредственно тебя не касается, это волновало мало. В настоящее время Мгуртала занимало совершенно другое, более существенное, более важное – сквозь плотную завесу бессознательности к нему прорывались мощные образы зарождающейся самости, наполняли душу собственной значимостью и активно вытесняли постороннее – всё, происходящее вокруг него.

Юношей, стоящих на пороге зрелости, в Мдарахаре хоронили редко, чаще приходилось погребать детей и стариков. Взрослые погибали от несчастных случаев, в основном на охоте, в лапах рассвирепевшего зверя, дети мёрли от болезней, старики – от бессилия и бремени прожитых лет. Погребальные церемонии зависели от возраста, положения покойного и, изредка, причины смерти. Детей хоронили тихо, проводили установленные процедуры и зарывали в землю в присутствии узкого круга близких родственников. Стариков в последний путь провожала вся деревня, вспоминали лучшие дела, перечисляли добродетели и предавали усопшего земле. Жрецов всегда сжигали на кострах, иногда жгли и старейшин. Так было принято испокон веков, и никто не задавался вопросом, почему одни идут в землю, а другие взлетают вверх, растворяясь в воздухе. Хотя – вполне возможно, они знали, почему.

С тех пор, как Амдилаза принесли в родительский дом, там воцарилась тишина, час од часу нарушаемая приглушенными звуками, шёпотом, жалобными причитаниями, глубокими вздохами

и всхлипываниями. Тихо стало не только в этом доме – жители всего Мдарахара умолкли, насторожённо прислушиваясь к гулкой поступи вошедших в деревню перемен, выжидая, чем они для них обернутся – улучшат или ухудшат жизнь, принесут облегчения или обеменения, дадут прибыток или отнимут уже добытое, сколько прибавят, много ли убавят…

Народ, собравшийся на подворье и прилегающей к нему части улицы, терпеливо ожидал начала похорон. Со стороны святилища послышались голоса жреческих посыльных, призывающих пропустить возвещающих слово Бога. Люди расступились, и жрецы проследовали на совершение короткой церемонии прощания с родным очагом.

Если событие смерти всегда окрашено одним мрачным цветом, то её лик и поведение непостоянны. Смерть проникает в душу вместе с печальным известием и беспощадно терзает её, не давая опомниться. Насытившись человеческой болью, она добреет, умиротворяется и отступает, позволяя душе передохнуть, затем улучает подходящий момент и набрасывается вторично. Она хорошо знает, что весть о смерти вырывает из живой души частицу родного существа, непосредственно ей не принадлежащую, но имеющую в ней свою долю, обитающую в ней в часы своей жизни. По сути, человеческая близость состоит во взаимопроникновении душ, в укоренении одной души в другой. Знание о том, что та душа покинула земной мир, совершает действие, подобное рассечению целого, а следующее за ним душевное переживание соответствует тому, что чувствует живая плоть, от которой оторвали значимую часть. Не желая мириться с потерей, душа ищет недостающее, не находит и терзается, чувствуя себя брошенной.

Родные Амдилаза нашли утешение в застывшем человеческом теле и перестали замечать неправдоподобность убаюкивающего состояния временного примирения. Близкий облик создавал обманчивое ощущение его присутствия здесь, рядом, притуплял горе, но проникшие в дом голоса жреческих посыльных встревожили их, напоминая о наступлении часа символического расставания. Пришло тяжёлое пробуждение и ожидаемый вестницей час вторичной атаки. Горькая, ужасающая действительность заставила родных прозреть. Они обступили тело, устремили взгляды на неподвижное лицо и так стояли, не в силах от него оторваться. Появление жрецов породило в их душах смятение, осознание безвозвратности случившегося и невосполнимости потери обрушились на них с новой силой, а страшные слова: «Амдилаз прощается с

родным кровом и уходит из него навсегда!» – потрясли, вырвали из состояния полудрёмы, ввергли в отчаяние. Безудержно зарыдала мать, скупые слёзы потекли по щекам отца, возопил весь Мдарахар, изливая во вселенную полноводные фонтаны обострившейся сердечной боли, мощными душевными порывами взлетевшей на самые высокие небесные вершины и во мгновение ока переполнившей чаши сострадания, вызвав у тамошних жителей искреннее сочувствие к человеческому горю.

Церемония прощания завершилась. Четверо крепких односельчан положили плетёнку на носилки, взялись за ручки, взвалили себе на плечи и понесли бездыханное тело прочь от родного очага, к месту восхождения в вечность – туда, где Амдилаз много раз с надеждой смотрел на затянутое серыми тучами небо, ожидая появления нисходящих на землю вестников Всевышнего.

Пропавшую молодую жизнь оплакивала вся деревня – вся, кроме лучшего друга. С самого начала церемонии Мгуртал держался подальше от тела, но всё же ему пришлось к нему приблизиться. Жрецы сказали положенные слова, прочитали молитву, объявили Амдилаза достойным взойти на небо и, памятуя о многолетней дружбе с Мгурталом, предоставили последнему право зажечь погребальный костёр. Деваться было некуда, он взял факел, подошёл к копне дров и машинально взглянул на тело – беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы разглядеть безмятежное лицо покойного. Мгурталу на миг показалось, что он крепко спит – если его хорошенько толкнуть, он проснётся, соскочит с высокого помоста и скажет: «Здравствуй, друг! Амдилаз рад тебя видеть!» – Но этого не произошло. Представление как возникло, так и исчезло, однако память Мгуртала ожила. Перед его глазами в одно мгновение вспыхнул эпизод вчерашней встречи, вначале показалось лицо – как сейчас, спокойное, не успевшее ни удивиться, ни почувствовать страха, с полураскрытыми, готовыми что-то сказать губами, затем вид со спины и, наконец, затянувшееся топтание на месте, сыпящее болезненными, прокалывающими насквозь оскорблениями. Он вспомнил! Совладав с собой, Мгуртал обошёл костёр, поджёг вязанки сухого хвороста, отдал факел Гурмгалу и отошёл. Блики языков пламени скрыли от поглощённых горем односельчан изменившееся выражение его лица. Равнодушие к окружающему исчезло, из-под густых бровей пробилась живая смесь боли и гнева, ему стало не по себе, захотелось уйти с места, принёсшего

неприятные воспоминания, но он должен быть здесь, вместе со всеми. Мгуртал вернулся назад, засмотрелся на горящий костёр, и уже начинал успокаиваться, как до него, откуда-то издали, стал доноситься чей-то голос, говорящий, что перемены, произошедшие в нём и где-то ещё – он даже не пытался выяснять, где это могло быть – соединились и полностью изменили прежнее течение жизни. Словно подтверждая сказанное, из покрытой непроглядным туманом бездны будущего – в настоящее – прорывались едва улавливаемые взглядом скользящие змеевидные образы, в корне отличающиеся от всех, ему известных, и рождалось предощущение их присутствия, показывающее, что уже здесь и сейчас, среди ничего не подозревающих мдарахарцев, ожидая назначенного часа, незримо витает их судьба, свёрстанная и готовая действовать.

Огонь полыхал в полную силу. Из бушующих языков пламени то и дело вырывались стремящиеся ввысь стайки быстрых искр. Оторвавшись от жаркого материнского тела, они сразу же принимались плясать, радуясь обретённой независимости, но вскоре гасли и пропадали из виду. Мгуртала захватило их устремление на волю, сердце забилось чаще – всей душой он был с ними, ему казалось, что им не хватает самой малости, нужно лишь чуточку сильнее оттолкнуться, и тогда уже никто и ничто не сможет ни остановить их движения вверх, ни потушить яркого блеска ликующей свободы. Он представил себя там, среди танцующих искр, и подумал, что у него точно хватило бы сил долететь до верхнего неба. Эта мысль его пленила, ему так захотелось сбросить оковы, воспарить на невиданную высоту и наслаждаться там свободой, что он даже встал на цыпочки – и понял, чего хочет: свободы.

Среди собравшихся на лужайке была ещё одна душа, остро чувствующая безвозвратность ушедшего времени, живо ощущающая, что, помимо тела внука, огонь пожирает весь предыдущий этап жизни старого Мдарахара, а может, и всех атлантов. Нистарун узнал причину произошедшего, испытав небывало агрессивное воздействие на святая святых человеческого существа – на свою душу. Сегодня – свершилось! Вчера утром, поднявшись с постели, он ощутил странную внутреннюю тишину, напоминающую затишье перед бурей. Оставленная без присмотра природа замерла в ожидании грядущих событий. С утра и до получения известия о смерти внука он гадал, что бы это могло значить, но, услышав сопровождающее весть движение, похожее на шум многочисленных крыльев, понял: руками человека свершилось деяние зверя.

От него не ускользнуло изменение равновесия невидимого царства, отныне подпавшего под влияние могущественных сил, но остались скрытыми совершаемые ими последствия. Новые хозяева упрочили своё положение между создателем и созданием, соткали, а теперь готовились вшить между мирами дополнительный многослойный холст зеркальной материи, нужный им для искажения видимости – их целью была фокусировка зрения человека на необходимой устроителям части пространства, с возможностью переориентации, переакцентировании внимания на любой из выбранных ими слоёв. До них никто такого не замышлял и не делал. Они произнесли новое слово в мироустроении, сотворив нечто вроде путеводной звезды, позволяющей создавать любые эффекты и вести людей в задуманном направлении. Им предстояло провернуть большое и сложное дело по внедрению перспективных технологий, с активным продвижением сопутствующих приспособлений, со сложной системой зонирования пространства, с нанесением контрольных отметок, точек перехода, размещений устройств приёма, передачи, задержки, блокировки и других средств, которые будут разработаны в будущем, а также, по выработке действенных инструментов влияния на зрение ведомого и средств постоянного контроля – всестороннего, всеобъемлющего контроля и детальнейшего анализа.

Нистарун был наслышан о мастерстве созидателя иллюзий, но не прозревал его методов работы, не ведал, что настанет час, и он, в результате хитроумных манипуляций, заставит одни действия человека замкнуться на других его действиях так, что тот не будет знать, где эта зависимость начинается, а где заканчивается. Человек окажется перед самостоятельно выдуманной неразрешимой загадкой – круговоротом неопределяемых перемен и их символом, танцующей рептилией. Непрерывное скольжение извивающихся змеиных колец создаст парадокс изменяющихся постоянных, человек пожелает понять их смысл, но не сможет даже отличить головы от хвоста. Задавшись поиском начал, он нагромоздит горы плодотворного мышления, произведёт превосходные теории, напишет уйму положительных заключений, подкреплённых безукоризненно вычисленными зависимостями с правильно построенными графиками, и всё же, практика их не подтвердит. Произойдёт конфликт точек зрения и первое разделение мнений. Естественно, победит теория, кажущаяся наиболее правдивой, но многие с ней не согласятся. Доказывая свою правоту, её противники будут хвататься то

за один, то за другой участок гибкого тела, призывая считать его головной частью и началом всех начал, пройдёт время, кто-то из несогласных выявит ошибку, учение отметётся, ненадолго восторжествует второе, на него ополчится третье, затем придёт очередь четвёртого, пятого, шестого воззрений, заявляющих об окончательном разрешением наболевшего вопроса, предлагающих усовершенствованные, всесторонне обоснованные вычисления, истинность которых ни у кого не вызовет сомнений. За небольшой отрезок времени будут найдены, изучены и систематизированы основные направления или, как тогда их называли, концепции развития, в том числе такие, как учение о строгой произвольности постоянных случайностей, предположение о нестабильной устойчивости внутрипредметных соединений, теория о закономерной тождественности принципиально различных элементов, и многие другие. Все учения будут опираться на передовые методики исследований, использовать самые свежие, ещё не успевшие состариться, данные, и поражать современников глубиной умозаключений, однако они не решат задачу определения изменяющихся постоянных, как не решит её и неуклюжая попытка использовать комплексный подход, хотя некоторые объявят его триумфальным шествием гения мысли… Поиски продлится ровно до часа, когда человеку поможет сам Бог, послав луч света во мрак его души, но это будет в далёком, очень далёком будущем.

Нистарун скорбел. Он знал, свершившееся неизбежно, но надеялся, что произойдёт чудо, и беда пройдёт стороной. Не прошла! Вошла, и как – смертью его старшего внука!

Когда огонь завершал порученное ему задание, хранитель, со всей доступной человеку ясностью, понял, что чувствовал в свои последние дни его учитель, каково ему было – видеть пропасть на пути своего народа, лицезреть поражение всех атлантов, осознавать, сколь гибельны будут перемены и – в то же время – прозревать, сколь они неотвратимы и необходимы.

Глава IV

Зариваль знал, что нужно продолжать поиски виновника смерти, но не представлял, где и как его искать. Разговор с Мгурталом не выходил у него из головы. Он постоянно возвращался к его объяснениям, и с каждым разом все больше сомневался в их правдивости, всё больше

находил несоответствий фактам в ответах совету и странностей в поступках рокового дня. Безразличие к происходящему, проявленное им на прощании с Амдилазом, только укрепило уверенность старейшины в том, что тот о многом умалчивает.

Решив проверить слова Мгуртала и подтвердить или развеять свои подозрения, Зариваль на следующее утро после прощания с Амдилазом взял землепашца, искавшего пастуха в день трагедии, и направился с ним к временному козьему постою. Видно, Арминдуг пришёл совсем недавно, из отворённой калитки выходили козы, а сам он находился внутри тесного загона, покрикиванием и хворостиной подгоняя к выходу замешкавшихся животных.

– Где будешь выпасать, – поинтересовался старейшина, когда тот подошёл поближе.

– Начну с поля возле речки, а там посмотрю, – ответил пастух.

Они пошли на поле вместе со стадом и Арминдугом, и увидели, что козы набросились на траву и уплетают её с превеликим аппетитом. Зариваль удивился:

– Оказывается, здесь хорошая пастьба?!

– А какой ей ещё быть? – ответил Арминдуг.

– Вчера выпасал здесь же? – спросил старейшина.

– Нет! Вчера водил к тем кустарникам, – указал рукой пастух, – козам очень нравятся их молодые побеги. Здесь выпасал вечером перед вчерашним днём.

– И они паслись?

– Ещё как! – улыбнулся Арминдуг.

Зариваль повернулся к землепашцу:

– Покажи, куда ты ходил?

Тот показал на местности. Оказалось, что там, где он побывал, трава хорошая. Зариваль решил проверить направление широкой низины. Они прошли примерно столько же, как до деревни, долго продирались сквозь густые заросли репейника, выбрались из них и сразу же стали погружаться в мягкую пружинистую жижу.

– Достаточно! Возвращаемся в деревню, – остановившись, сказал Зариваль.

Его подозрения подтвердились. Он не был здесь несколько лет, а наведавшись, убедился, что ничего не изменилось. Мгуртал явно что-то утаивает, и это наверняка связано с последними событиями, в противном

случае, зачем он сюда ходил, какая необходимость была гнать стадо в пустынные места, где никто и никогда не выпасал коз и, тем более, идти за тридевять земель, если рядышком, чуть левее, обилие трав?

Вечером жрецы и старейшины опять собрались у Нистаруна. Об особой привязанности хранителя к Амдилазу знали все, и каждый, входя в дом, участливо спрашивал хозяина о самочувствии, тот кратко отвечал, что здоровье у него хорошее, а когда все собрались, сказал:

– Благодарю вас за заботу и сочувствие! Вы знаете, к каждому из вас Нистарун относится, как к брату, высоко ценит ваше внимание и наши братские отношения. Совсем недавно мы стали отличать: «родной брат», «не родной брат». Нистарун не усвоил этих приставок, Нистарун смотрит на это, как учили предки. Говоря о братстве, мы касаемся духовного, там степень родства отсутствует, там либо есть состояние общности, либо его нет. По своей сути, братство – это особая связь между людьми, её корни идут не от общих родителей, но от единения сердец, и прочность его нитей не зависит ни от настроения, ни от погоды, ни от времени года. Братство – это знание, что рядом есть человек, на которого можешь положиться безо всяких условий, не смотря ни на возраст, ни на положение, ни на расстояние, не учитывая, кто кому сделал больше добра, уделил времени, пошёл навстречу, уступил необходимое, быстрей откликнулся на просьбу; оно не допускает никаких расчётов, зачётов, вычетов, пересчётов, сверок, уточнений; оно не терпит гордости, бахвальства, превосходства, соперничества, насмешек, унижения, умаления, пренебрежения – там, где они возникают, братство прекращается. Как и вы, Нистарун хорошо помнит время, когда сочетания «не родной брат» не существовало. К сожалению, перемены произвели новую категорию близости – заинтересованных попутчиков, подменяющих понятие братства пустой бессодержательной формой, громче всех о нём кричащих, а в действительности извлекающих из него собственную выгоду – но, несмотря на внешнюю схожесть, таковых распознать очень просто – попутчики всегда руководствуются корыстными целями. Их настоящие мотивы глубоко зарыты, надёжно спрятаны от посторонних взглядов, но они есть всегда. Братство этого не приемлет – никогда, нигде, ни в каком виде! Братство зиждется на доверии и уверенности, на готовности всегда прийти на помощь – немедленно, без размышлений, сомнений, колебаний, невзирая на смертельную опасность, пренебрегая трудностями, лишениями, не оглядываясь на

возможные неприятности, наветы, дурную молву. Обращаю ваше внимание – там, где есть братство, не оглядываются никогда! Поясняя смысл братства, Нистарун всё чаще сталкивается с непониманием его основ. Многие жалуются, что не видят отличия между ним и крепкой дружбой. Не ищите объяснения братству среди преходящих понятий! Братство не измеряется земными мерками – у них недостаточно средств, чтобы показать его силу, а в словах нет должной ёмкости и глубины. Братство найдёте в произрастающем из Бога могуществе всепроникающего духа – ибо братство есть умножение Его единства в воплощённых человеческих душах. Сущность братства открывается не снизу – вверх, но сверху – вниз. Неприметное слово обозначает силу, проистекающую в род человеков от общего родителя, напоминая нам, привыкшим смотреть на мир земными глазами, о нашей первой родине, призывая нас не забывать об общем доме и одном пути, сюда и отсюда. Братство расцвело на земле, но его корни питаются мощью вселенной, которая, оценив наши дерзания, связывает души прочной нитью и скрепляет нерушимой небесной печатью. Всю свою жизнь Нистарун стремится отдалиться от личного – потому, что так воспитан, потому что, как и вы, всей душой служит народу. Зачем Нистарун рассказал вам о братстве? Чтобы вы познали его суть и уразумели смысл, заложенный в этом неказистом слове. Чтобы знание о нём распространилось по всей земле и вошло в каждое сердце. Ведь из братства вырастает единство и процветание народа. Заполненная личным душа к нему не способна – общность требует слияния. Суть общности в том, что, находясь вне нас, она, тем не менее, так же принадлежит нам, как мы принадлежим ей. Вы заметили, к чему мы вернулись? К братству. Почему? Да потому, что единение всего человечества состоит из утверждённого в братстве единения каждого народа. Человек не самостоятельно, не собственной силой разорвал эти прочные узы, но он должен будет их связать – мы обязаны к этому прийти. Братья! Не отягощайте себя воспоминанием несчастья, вошедшего в дом Нистаруна – потерянного не вернуть. Мы должны идти вперёд, сообразовываясь с тем, что имеем. Что же мы имеем? Орды недругов, привалившие к нашему порогу и до поры сдерживаемые Всевышним. Нынче от него пришло известие: «Твои ноги прочно встали на земную почву, твои руки крепко удерживают изготовляемые тобой предметы, твой взор хорошо различает тёмное и светлое, а разум научился распознавать доброе и злое. Время на подготовку

исчерпано. Настал час самостоятельно позаботиться о своей судьбе.» Мы стоим в преддверии больших перемен, поэтому, толковать нам нужно не о погибших, но о живых.

– Ты сказал, думать нужно о живых. Справедливо ли мы поступим, если, имея огромные сомнения в одном из сородичей, перестанем искать виновника смерти, сославшись на собственное бессилие и отсутствие явных доказательств? Уверен, расспросив его как следует, мы многое проясним, а оставив как есть, создадим опасную предпосылку на будущее – по-твоему, это будет беспокойством о живых или о мёртвых? – вопросительно посмотрел на него изрезанный морщинами Гурмгал.

– Истину говоришь! Найти причинителя – наша прямая обязанность, но мы не можем сказать людям: «Очень уверенный в своих предположениях совет общины винит Мгуртала в том, что он утром выпасал коз возле места происшествия, а потом исчез на ночь, к тому же, Мгуртал – плохой парень, умолчал о неизвестном», – и так далее. Там, где обнаружили Амдилаза, его не видели и следов не находили. Гурмгал сам слышал слова Мгуртала о том, что он ничего не знает. Определённые подозрения в сокрытии им сведений имеются и у Нистаруна, но нет способа их выудить. Если у Гурмгала есть предложения, пусть выкладывает, совет его выслушает, – ответил хранитель.

– Да, есть одно, и ты знаешь о нём получше Гурмгала. Скажи, случалось ли подобное раньше, а если случалось, что предпринимали наши предки?

– В мой век не случалось, было ли раньше – нужно время припомнить, – ответил Нистарун. – Касательно традиций наших предков, когда жрец, после предварительной беседы, ставал напротив вопрошаемого и исследовал его душу, как ты на своей рубахе исследуешь прорехи, то этот метод использовался не из-за подозрений в сокрытии, а по причине слабости разума или забывчивости наших предшественников. У них не было необходимости в долгих расспросах, они видели другими глазами, слышали другими ушами и ощущали в себе то, что записала память испытуемого, а затем сопоставляли услышанное с его слов с фактами, полученными самостоятельно.

Нистарун был самым сведущим среди жрецов. После упоминания о традициях предков присутствующие устремили на него пытливые взгляды, а Зариваль предложил:

– Сдаётся, Нистарун, пришло время и тебе испытать, насколько мы отстали от наших пращуров. По-моему, сам Бог велит нам вернуться к

проверенным методам, потому, что увиденное сегодня Заривалем сильно отличается от сказанного Мгурталом. Зариваль очень сомневается в его искренности, не доверяет словам и не надеется услышать больше уже услышанного.

Хранитель задумался. Ему не приходилось проводить таких исследований самому, а также, присутствовать при их совершении другими. Он может во всех деталях увидеть составляющую человеческой сущности, прочитать пристрастия, желания, наклонности, они лежат на поверхности и сами извещают о свойствах хозяина, для него это примерно то же, что определить настроение по выражению лица, узнав, спокоен человек или возбуждён, рассержен или обрадован. Но прочесть запечатлённый в памяти жизненный путь – совершенно иное дело! Для этого нужно погрузиться в самые глубины души, в хранилище записей времени.

Пока Нистарун размышлял, остальные терпеливо ждали решения.

– Не знаю, Зариваль, осилит ли Нистарун задачу. Дело весьма серьёзное, требующее абсолютной уверенности в правильности вывода, – ответил он и поинтересовался. – А где Мгуртал работал сегодня?

– Обновлял старый северный загон, – ответил Зариваль.

– Пусть отдыхает, не будем его беспокоить. Побеседуем с ним завтра утром и, если понадобится, Нистарун исследует его память, – решился хранитель.

На следующее утро совет старейшин опять выслушивал Мгуртала. Нистарун так же уступил ему своё место, но в этот раз сел на свободную скамью.

Расспрашивал Зариваль. Посмотрев на него снизу вверх, он сказал:

– Зариваль не сомневается, что Мгуртал правильно понимает, зачем его позвал совет – обязанность найти причину смерти Амдилаза осталась – а значит, не удивляется возвращению к нашей беседе. Нистарун уже говорил, что в истории народа такого не бывало. Никому из нас не приходилось слышать и – тем более, иметь дело с отсутствием следов, указывающих на причинителя, – Зариваль посмотрел на хранителя преданий, тот утвердительно кивнул головой.

– Данное обстоятельство очень настораживает, – продолжил старейшина. – Первым Амдилаза увидел смотритель посевов. Тебя почему-то не оказалось там, где ты выпасал стадо и должен был находиться. Твоё необъяснимое отсутствие мне представляется подозрительным.

Зариваль ни в чём тебя не обвиняет, Зариваль объясняет, что совет нуждается в твоей помощи и, для поиска ответа, употребит все доступные ему средства. Скажи нам: что заставило тебя увести гурт с места, полного сочных трав?

Внимательно выслушав Нистаруна, пастух слегка отклонил туловище назад и раздосадовано вздохнул:

– Зариваль не пас коз на холме, поэтому Зариваль не знает, что там иногда попадается горчак. Козы от него брыкают и бодаются. Мгуртал утром вывел стадо на холм, но козы не хотели паслись, вместо этого они постоянно разбегались – туда, сюда, – отвечая, он медленно наклонялся вперёд, а показывая, куда разбегались козы, размашисто бросал руки в стороны. – Мгурталу надоело гоняться за ними, он решил найти лужайку с молочными травами и погнал стадо в сторону широкой низины. Наверное, Мгуртал о чём-то задумался, сейчас он не может вспомнить, о чём именно, а когда опомнился, выявилось, что деревня осталась далеко позади. Наступающие сумерки не дали бы пройти назад и половины пути, Мгурталу ничего не оставалось, как заночевать в чистом поле.

– Как нужно было задуматься, чтобы не заметить плотных зарослей репейника или огромного вязкого болота? – удивился Зариваль и поинтересовался. – Ты ушёл утром или в полдень?

– Кажется, ближе к полудню, – не смог определиться гигант.

– Насколько ближе? В какой четверти стояло светило? – допытывался старейшина.

– Откуда Мгуртал знает? – огрызнулся тот, – Мгуртал не смотрел не светило, Мгуртал поднял стадо и увёл с пастбища.

– Как – поднял? – заострил внимание Зариваль, – ты же говорил другое – козы плохо паслись, брыкались…

– Старейшина сказал, что совет ждёт от Мгуртала помощи, а сам задаёт непонятные вопросы. Мгуртал не знает ответов на них и ничего вам не скажет, даже если очень хочет помочь, – пошёл в наступление гигант.

– Тебя никто не видел целые сутки, – напомнил ему Зариваль, – мы не можем быть уверены в твоей непричастности к происшествию, пока не узнаем, когда и куда ты перемещался.

– Значит, вы меня подозреваете? – нахмурился пастух.

– Определённые подозрения есть, – подтвердил Зариваль.

– Вот как?! – вскочил Мгуртал. – Почему же вы не подозреваете смотрителя посевов? Что мешало ему убить и сразу же помчаться за помощью – мне кажется это очень правдоподобным.

– Ну, тут ты хватил лишку, да не стой – садись, – махнул рукой Зариваль, – мы с ним бок о бок с самого детства, и он ни разу не дал нам повода упрекнуть себя в нечестности, а ты намекаешь на хитрость. Амдилаза не назовёшь сильным, но и с ним старый хромой смотритель посевов не совладал бы…

– Почему же? Если тихо подкрасться сзади и со всей силы огреть колом по голове, совладал бы легко, – подсказал пастух.

– Зариваль знает, какие следы оставляет удар колом и думает, что в нашем случае было иначе, – ответил старейшина, – совет больше беспокоит твоё отсутствие и не находящее подтверждения решение покинуть пастбище.

– Расскажи нам, как можно детальней, где ты был и что делал в течение всего дня, начиная с прихода на временный постой, – попросил Нистарун.

Мгуртал стал рассказывать, как он ушёл с хоздвора, пришёл к загону, выпустил коз, нескольких недосчитался и погнался за сбежавшими, а потом собирал разбредшееся по пастбищу стадо, как козы сначала паслись, затем их будто подменили, обеспокоено заносились по полю, и он повёл их в сторону гор, надеясь найти там хорошую пастьбу. По пути туда ему особенно запомнились репейник и однообразная заболоченная местность, на этом воспоминания пропадают, дальнейший путь покрыт непроглядным туманом, рассеявшимся у широкой низины.

Старейшины и жрецы слушали, не перебивая ни вопросами, ни уточнениями, а когда он закончил, долго молчали. В комнате воцарилась беспокоящая гиганта тишина. Мгуртал выжидающе посматривал на членов совета, но они словно воды в рот набрали, тогда пастух нетерпеливо заёрзал на скамье, будто под него подсыпали горячих углей, однако молчание не прерывалось, и чем дольше оно продолжалось, тем больше ему становилось не по себе. Не выдержав, он сказал:

– Мгуртал старался помочь совету, подробно рассказывал всё, о чём его спрашивали. а сейчас ему нужно идти к стаду.

– Не спеши, – отозвался Гурмгал и спросил. А как объяснить, что козы вчера прекрасно паслись на поле, которое ты назвал непригодным из-за горчака? Почему одни и те же козы с удовольствием уплетали не понравившуюся им раньше траву?

– Так бывает. Вы, жрецы, думаете, что знаете коз лучше нас? Вчера ели, а третьего дня – не хотели, – дерзко ответил пастух.

Члены совета переглянулись – поведение Мгуртала не укладывалось в общепринятые рамки. Так вести себя с ними не позволялось никому, невзирая на возраст и положение. Ни первого, ни второго у Мгуртала не было, очевидно, он скрывает нечто важное, придающее ему смелости на такие выходки.

Хранитель поднялся:

– Нистарун выслушал Мгуртала, а теперь слушай ты: мы знаем тебя с рождения, знакомы с твоими достоинствами и недостатками, наслышаны о твоём неуживчивом характере и не сложившихся отношениях со сверстниками. Когда у вас с Амдилазом завязалась дружба, мы очень удивились, Нистарун даже говорил с ним об этом, но он рассказал о тебе много хорошего, и действительно, ты изменился в лучшую сторону. К сожалению, многое перечеркнули перемены последних дней. От нас не скрылось твоё необъяснимое поведение во время прощания, а необоснованное отсутствие там, где ты обычно присутствуешь, да ещё странная пропажа на целую ночь, не находят места в нашем понимании и жизненном опыте. Ты почему-то молчишь о козах, остававшихся почти целые сутки не доенными – твоё легкомысленное путешествие чуть не загубило целое стадо, а ведь тебя поставили его беречь! Нистарун обратил внимание, как ты упорно пытаешься приковать наши взгляды к старику смотрителю, но уверяю, твои труды напрасны, он целый день был с Заривалем, ходил с носильщиками на малое поле, помогал собирать снопы, а когда пошёл посмотреть, как Амдилаз управляется на большом поле, быстро вернулся. Тихий и спокойный человек, чуждающийся любых конфликтов, он всегда относился к Амдилазу с отеческой привязанностью, да и нет ни одной…

– Мгуртал тоже был к нему очень привязан. Кто его тянул за язык? Зачем он начал напа… – вскинулся было Мгуртал и осёкся.

Думавшие о чём-то своём старейшины и жрецы, ожидая продолжения, как по команде направили на него взгляды и навострили уши, но он понял, что сболтнул лишнего и умолк так же быстро, как и заговорил.

– …причины усомниться в его словах. – продолжал Нистарун, словно не слышал невольно вырвавшегося признания. – Сначала с ним поговорил Зариваль, затем совет старейшин. Он сидел на том же месте, где сидишь ты, а мы беседовали, как сейчас беседуем с тобой. На все вопросы он отвечал без запинки и в ответах не путался, а от тебя мы слышим одни неопределённости и указания на провалы памяти. Нам же нужны точные сведения – где ты был и что делал в обозначенное время.

Мгуртал молчал – оборвав себя на полуслове, он так и сидел, заняв выжидательную позицию, решив говорить лишь то, что от него потребуют.

Не дождавшись ответа, хранитель сказал:

– Что ж, если тебе нечего добавить, исследуем истину по обычаям предков. С твоей помощью Нистарун посмотрит на посещённые тобой в этот день места, побывает там, где был ты, увидит и почувствует то, что видел и чувствовал ты, после чего объявит результат, – сделав коротенький перерыв, он скомандовал. – Мгуртал! Подними голову и взгляни на меня! – тот нехотя поднял голову, его глаза встретились с глазами хранителя, и пастух ощутил стремящуюся проникнуть в него чуждую силу. Он попытался отвести взгляд в сторону, но Нистарун не дал ему этого сделать – он нашёл путь к сознанию гиганта, пленил его и цепко удерживал усилием воли, как рыбак удерживает пришпиленную острогой рыбу. Замерший Мгуртал уставился на поработителя, словно обездвиженная магическим змеиным взглядом обречённая на съедение мышь.

– Встань! – скомандовал хранитель. Пастух послушно поднялся. Голова Нистаруна едва доставала ему до подбородка. Глаза гиганта уже были ему не нужны, всё своё внимание он сосредоточил на месте, чуть выше переносицы.

Хранитель проник в душевные пределы Мгуртала и оказался среди разнообразнейших чувственных течений, одни бурлили широкими пенящимися потоками животных страстей, другие шумели извилистыми реками брызжущей эмоциональности, третьи текли размеренной, ровной гладью усвоенных моральных ценностей, четвёртые бесшумно струились тоненькими блестящими ручейками высших идеалов, а все вместе, они образовывали захватывающую картину деятельной души, на которую воздействовали события внешнего мира, вызывающие в ней объёмные образы красочных впечатлений. Очарованный неописуемым зрелищем Нистарун замедлил было шаг, но быстро взял себя в руки, проследовал дальше, вошёл во вместилище памяти, и перед ним, в обратном порядке, начиная от только что законченного разговора, с невероятной скоростью понеслись пейзажи прошедшей жизни. Они появлялись в виде обширной подвижной панорамы, с сопутствующими им чувствами, отображающимися изменяющейся вместе с событиями насыщенной, стремительной, искристой, извивающейся тысячами нитей, пёстрой цветовой гаммой. Хранителю неоднократно доводилось видеть

душевные оттиски человеческих свойств, но он ещё ни разу не стоял перед полноценной картиной деятельной души, не наблюдал всей совокупности переплетения мыслей, эмоций, чувств внутреннего существа, обуреваемого переживаниями, охваченного откликами на внешние впечатления и отзывающегося красочными образами личностного отношения к поступкам, действиям, фактам. Высокие свойства самоотдачи, милосердия, сострадания, отражались яркими, чистыми цветами, в сравнении с ними, эмоциональные выражения удовольствия, радости, грусти, теряли яркость, бледнели и, чем низменней они становилась, нисходя к страстно-животному состоянию природных инстинктов, тем больше тускнела их насыщенность, приобретающая мутно-землистые оттенки. Нистарун видел, как волнуется находящаяся в непрерывном движении душа гиганта, и не удивлялся преобладающим в ней тусклым цветам и уродливым формам. Если хранитель заинтересовывался показанным, картина замедляла бег и высвечивала важнейшие детали произошедшего. Быстро научившись управлять процессом, Нистарун ограничился рассмотрением эпизодов, имеющих непосредственное отношение к расследуемому событию. Он практически сразу увидел Мгуртала, убеждающего пастухов в том, что землепашцы считают их лентяями и относятся к ним недружелюбно. «Поведение землепашцев показное – сплошная видимость, прикрытие для использования нас в своих целях… вспомните, как они нам указывают, как на нас смотрят…», – ораторствовал он у обновляемого загона. Рождение эгоистического элемента было для хранителя откровением – самость ещё не входила во взаимосвязь с человеческим существом, лишь оповещала о своём присутствии. Добравшись до сожжения внука, Нистарун опять увидел произрастающий из Мгуртала эгоизм, окрашивающий картину в тёмные и кроваво-красные цвета, дальше потянулось поле, в кромешной темноте зазвучали воинственные крики, опять промелькнуло поле и, наконец, он достиг места, вспыхнувшего ослепительно ярким светом, пронзившим его тысячами жал, после чего на него воззрился чистый взгляд Амдилаза, удивлённо заглядывающего Мгурталу в глаза и сквозь них проникающего в душу хранителя – взгляд с зарождающимся вопросом, – он был известен, он ощущался, как ощущается тепло или холод. Первым внутренним движением Нистаруна было желание отвернуться от ослепляющей чистоты, но взгляд внука его не отпускал, и хранитель

прикипел к нему, как новорождённое дитя припадает к кормящей матери. Пытаясь что-то сказать, Амдилаз стоял с полуоткрытыми губами, а где-то совсем рядом, вверху, тихо шелестела покрытая кровавым светом листва. Картина медленно побледнела, уменьшилась и отдалилась, её сменили замелькавшие по зелёной траве копыта и бегающие по лужайке козы, появилась чёрно-серая земля, внизу возникла клубящаяся сизая дымка, после чего показалось лицо Зариваля, и Нистарун вышел из испытуемого, как и вошёл, шаг за шагом покидая его недра.

Закончив обзор необъятных просторов Мгурталовой души, хранитель обессилено опустился на скамью. Гигант огорошено поводил взглядом, не понимая, что произошло, почему он стоит, а остальные сидят, и сел следом за ним.

Нистарун сидел с закрытыми глазами, медленно приходя в себя – ему нужно было значительно больше времени, чем его молодому спутнику. Зариваль поспешно вышел из комнаты и вернулся с ковшиком воды. Хранитель утолил жажду и продолжал молчать, сводя почерпнутые сведения к единству, а собравши, сказал:

– Нистарун видел неприглядную картину человеческого падения. Встретил и поселенца, нашедшего уютное местечко в родственной для себя среде. Его выбор вполне обоснованный, Мгуртал всегда жаждал первенства, всегда хотел занять лучшее положение. Нужно признать, устремление увенчалось успехом. Мгуртал! Признайся совету в содеянном – расскажи о произошедшем между тобой и Амдилазом.

– Мгуртал говорил много раз и может повторять до бесконечности – в тот день Мгуртал вообще не видел Амдилаза, – не сдавался гигант.

– А как же ваша встреча с глазу на глаз у тенистой ивы? – поинтересовался хранитель.

– Мгуртал часто встречался с Амдилазом с глазу на глаз – у ивы, в поле, на улицах Мдарахара... Если бы Мгуртал знал, о каком дне и о какой иве говорит Нистарун, рассказал бы всё, вспомнив, о чём и как долго мы говорили, – ответил пастух.

С этим его отпустили. Стали обсуждать, что делать дальше, и не смогли прийти к единому мнению. Первым препятствием оказались полученные Нистаруном сведения. Несмотря на полнейшее к ним доверие, они имели недостатки, так и оставаясь неподтверждёнными подозреваемым. Второе вытекало из первого – без надёжной доказательной базы любые выводы о виновности натыкались на непреодолимые сомнения.

Млуруг предложил:

– А не расширить ли нам круг участников? Дело очень серьёзное. Давайте вынесем решение на собрание общины.

Совет в знак согласия закивал головами: «Молодец, Млуруг! Замечательная мысль! Завтра же созовём собрание общины.»

В Дом собраний общины пришли все уважаемые люди Мдарахара, а также немало простых поселян, желающих увидеть и услышать, как они думали, окончательное решение.

Нистарун рассказал, что говорил совету Мгуртал, и что он увидел в хранилище его памяти. Во время рассказа землепашцы активно поддерживали хранителя, тихим гулом или оханьем выказывая негативное отношение к низости мгурталовых поступков, но пастухи вели себя совершенно иначе – за всё выступление они не произнесли ни звука, а когда Нистарун закончил, затребовали от него наглядных доказательств, говоря, что этот метод не может быть принят ввиду его низкой достоверности и высокой сомнительности. Мнения присутствующих разделились. Землепашцы хотели наказания, пастухи были категорически против, настаивая на недоказанности и, следовательно, невиновности обвиняемого. С самого начала они стали отдельной группой, а когда перешли к обсуждению, как поступить с их товарищем, переполнились негодованием и замахали руками, жестикулируя и обвиняя совет в предвзятости рассмотрения и шаткости доводов. Они кричали, что землепашцы устраивают над Мгурталом судилище потому, что он пастух, землепашцы им возражали, ссылаясь на услышанное, но это не помогало. Распалившись от нахлынувших эмоций, реплик друзей, высказываний новых доводов защиты и обвинения, стороны совсем перестали слушать одна другую, только надрывно отстаивали каждая свою позицию.

Наблюдая за словесной перепалкой, грозившей обернуться открытым столкновением, старейшины поняли: их замечательная мысль прийти к единому решению на расширенном обсуждении в совете общины оказалась полным провалом. Собрание нужно срочно распускать. Слово взял Нистарун. Упросив народ успокоиться, он сказал:

– Исследуя историю предков, Нистарун нигде не нашёл упоминания об убийстве человеком человека. Это вопиющее дело требует разрешения, поэтому мы прилагаем все силы, выясняя обстоятельства, имеющие к нему даже косвенное отношение, пристально рассматриваем

любые детали. Очень горько видеть, что в наших рядах уже нет былого единства. Человек поднялся на человека, сородич восстал на сородича. Меня, служителя Бога, оскорбили, уличив в попытке необоснованного обвинения и личной заинтересованности в наказании! И какое они предложили основание?! Они уверены, что дед хочет принести внуку достойную жертву… Вы так ничего не поняли, мои дорогие соплеменники! А что знали, то успешно позабыли…

– Знаем и видим, – выкрикнул кто-то из кучки пастухов, – ты такой же, как и все землепашцы, один из них, всегда будешь их поддерживать, а нас притеснять, и нечего долго рассуждать по этому поводу.

Нистарун не стал вступать в спор, распустил собрание и попросил жрецов и старейшин прийти к нему вечером. Собрание общины не оправдало ожиданий, наоборот, усугубило ситуацию. В деревне прозвучали первые тревожные нотки назревающего раскола.

Народ расходился нехотя. Недовольными остались как землепашцы, так и пастухи. За три дня, прошедших после прощания с Амдилазом, обстановка не то, что не разрядилась – накалилась. Присутствовавшие на совете общины принесли дурные вести остальным. Работы приостанавливались, стороны начинали смотреть друг на друга с недоверием.

Собравшийся у Нистаруна совет старейшин обнаружил, что уже не в состоянии повлиять на отдельных односельчан. Пастухи фактически вышли из повиновения. Судя по всему, у них появился свой вожак, создающий у них настроение, выгодное для собственных планов. Знание, что никто на это не пойдёт, кроме Мгуртала, ясности не придавало. Не давали результатов и подсказки предков – сородичи стали другими. Встревоженный, огорчённый своим бессилием совет не смог определиться, как и при помощи чего можно исправить положение и, после длительных обсуждений, признал себя неспособным что-либо изменить.

На следующий день конфликт обострился – землепашцы, предварительно согласовав свои действия и известив жрецов, пошли не на работы, а в Дом собраний общины. Пастухи выделили по одному-два человека на выпас стад и сошлись у ближнего загона. Там вылезший на кучу кольев Мгуртал держал слово:

– Сородичи! Мгуртал уже говорил вам о скрытом недружелюбии, разумеется, тогда некоторые из вас могли сомневаться, полагаясь не на слова Мгуртала, а на совместную многолетнюю жизнь, но вчерашний

день как нельзя лучше подтвердил – сказанное было истинной правдой, и хорошо, что Мгурталу не пришлось вас убеждать – старейшины и жрецы сделали это гораздо убедительнее. Они показали, как установленный землепашцами порядок к нам несправедлив, как надуманы доводы и искусственны обвинения. Их больше, и они возводят на нас любую напраслину. Мы принимали их за братьев, но они нам даже не друзья – скорее враги. Сегодня они обвиняют Мгуртала, завтра обвинят любого из вас! Согласен, их много, нас мало, но не переживайте из-за нашей малочисленности! Верьте, мы значительно сильнее их – тем, что лучше сплочены, и на нашей стороне правда. Вспомните наставления предков: «Облачённые в правду несокрушимы, ибо за них сражается сам Бог.» Не забывайте, что землепашцы смеются над нами, тайком считая бездельниками и лентяями, а вслух называя собратьями. Позволительно ли оскорблять собрата? Нечего и говорить, что в отношении собрата так не думают и не поступают. Они же бесчестят нас бесцеремонно и нагло, показывая, кем являются на самом деле. Оставить обвинение без ответа – значит согласиться с ним и покориться обвинителям. Теперь ваш черед. Как поступите вы? Что ответите на оскорбления? Смиритесь? – потому, что соплеменники? Будете терпеть нападки, уступите обманщикам? Конечно же, нет! Вы соберётесь и противопоставите им свою силу! Нам здесь уже не рады, нас гонят с родных мест, грубо подталкивая в спины. Или станем умолять простить и оставить? Может повинимся и попросим помилования? Кто хочет – идите в Дом собраний! Они там. Идите, но Мгуртал не пойдёт! Мгуртал не попросит! Мгуртал сохранит собственное достоинство, развернётся и уйдёт прочь от чужого народа! Братья! Знайте! Нас мало, но мы сильны! Мы сами в состоянии выбирать, где жить, какими тропами ходить, с кем ссориться, а с кем дружить. Кто согласен идти с Мгурталом? Кто сам выбирает своё будущее? Кто хочет изменить установленную недругами несправедливость? – Мгуртал обвёл глазами собравшихся.

Из толпы зазвучали одобрительные возгласы – со многими из них он беседовал и знал о поддержке. Старики уходить не хотят, но молодёжь готова, её захватывает перспектива самостоятельности, она ищет независимости, хочет свободы.

В Доме собраний общины витали совершенно иные настроения. Землепашцы шумели, требуя отплатить Мгурталу по заслугам. «В противном случае, – уверяли они, – мы готовы восстановить справедливость

сами.» Жрецы и старейшины успокаивали их, уговаривая идти на работы, но безуспешно.

Наблюдающий за волнениями Нистарун с горечью подумал: «Полюбуйся! Мы уже не справляемся с землепашцами. Глыба треснула и вот-вот развалится на мелкие кусочки.»

Самые активные из них кричали:

– Наурши увидели осквернённый смертью Мдарахар! Наурши узнали, чьих рук это дело и требуют, чтобы смерть забрала принёсшего смерть… Пятый день мы живём в одном доме с носителем смерти, но человек не может жить вместе с тем, кто несёт и сеет смерть – это противоречит смыслу жизни! Мы требуем очистить наше жилище, мы настаиваем, чтобы хранители жизни – жрецы, изгнали сеятеля смерти из нашего дома...

А старики удивлённо спрашивали жрецов:

– Объясните нам – правы мы или не правы? Вы учите нас воздавать добром за добро. Мы посовещались и пришли к выводу, что данное положение следует распространить на все случаи, в том числе и на произошедший. Наурши требуют применить древние правила по аналогии – воздать злом за зло! Разве правила не говорят, что равноценное замещают равноценным? Отвечайте, справедливо наше требование или несправедливо?

Напрасно жрецы разъясняли им: по закону воздаяния зло падёт на голову породившего зло независимо, мстит он или совершает деяние первым. Одни их не понимали, другие не желали слышать.

– Каким образом восстановление справедливости может стать злом? Это невероятно! – недоумевал кто-то.

– Говорите, что хотите, но мы точно знаем – ему здесь не место, – слышалось из толпы.

– Растолкуйте непонятливым. Как можно жить с тем, кто убил человека? – удивлялись рядом.

– Посмотрите! Они защищают убийцу, – обвиняя старейшин и жрецов, подхватывали соседи.

Призывы действовать самим, если совет не в состоянии прийти к решению, звучали всё громче и чаще. Ситуация ставала тревожной. В какой-то момент кучка агрессивно настроенных землепашцев отделилась от остальных и направилась в сторону мгурталового дома.

Когда делегация вошли во двор, Свидамиль была одна – копалась в огороде. Пришедшие окружили её и затребовали отдать убийцу. Она